

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА И СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ВЪ РИМѢ.

(Изъ „поездки въ Римъ“).

Общій взглядъ на римско-католическое богослуженіе. Службы страстной недѣли и отсутствіе тѣсноты на нихъ. Соборный клиръ. Пѣніе соборянъ, пѣвческихъ хоровъ и папской капеллы. Обстановка храмовъ и приготовленія къ совершенію миссы. Процессіи. Архіерейское служеніе. Облаченія. Особенности кажденія. Распорядитель при богослуженіи.— „Стоянія“. Нынѣшняя скромность римскихъ богослуженій по сравненію съ прежними временамн. Служба вербнаго воскресенія. Римскія пальмы и поднесеніе пальмы папѣ. Завѣшиваніе картинъ въ храмахъ на страстной недѣлѣ. Службы „тенебръ“. Дѣятельность кардинала-великаго пенитенціарія и отношеніе римскихъ католиковъ къ таинству покаявія. Показываніе народу святыхъ мощей и священныхъ реликвій. Служба великаго четверга; освященіе мвра и елея. Омовеніе папскаго алтаря. Служба великаго пятка; евангеліе страстей Христовыхъ, поклоненіе кресту, литургія преждеосвященныхъ даровъ. Tre ore d'agonia и римскіе проповѣдники. Королева за „тенебрами“ въ базиликѣ S. Croce. Покаянная процессія „Сепулькры“.—Служба великой субботы и посвященія въ разныя церковныя и священныя степени. Отношеніе римскихъ католиковъ къ свѣтлому дню Пасхи: его встрѣча въ Римѣ и торжественная мисса этого дня.

Издавна у насъ утвердилась и въ качествѣ непреложной истины часто повторяется мысль, что римско-католическое богослуженіе отличается особенною красотою, торжественностію, обиліемъ церемоній, даже нѣкоторою театральностію и погоней за эффектами. Подтвержденіе этому отчасти мнѣ приходилось видѣть еще съ раннихъ лѣтъ при многократныхъ посѣщеніяхъ московскихъ римско-католическихъ церквей, въ особенности французской церкви Св. Людовика. Понятно, что отправляясь въ Римъ, — этотъ центръ и источникъ всякихъ эффектовъ латинской церкви, я ожидалъ

встрѣтить въ тамошнемъ богослуженіи что нибудь въ высшей степени изящное и грандіозное, такое, что должно произвести на зрителя высокое если не религіозное, то по крайней мѣрѣ художественное, эстетическое впечатлѣніе. Однако не могу сказать, чтобы мои ожиданія осуществились въ полной мѣрѣ. Правда, въ службахъ и церемоніяхъ страстной недѣли не мало величественнаго, своеобразнаго и интереснаго; но чего-либо поразительнаго и захватывающаго я совсѣмъ не видѣлъ. Восторженные отзывы о красотѣ и величіи римскаго богослуженія представляютъ собою несомнѣнное преувеличеніе и мнѣ думается, можно найти причину, объясняющую ихъ происхожденіе. Прежде всего, нерѣдко эти отзывы служатъ лишь отголоскомъ или повтореніемъ того, что пишется о римскомъ богослуженіи въ книгахъ или газетахъ запада; но само собою разумѣется, что на какого нибудь лютеранина, англиканца, или кальвиниста, привыкшаго въ своей церкви къ полному почти отсутствію всякихъ богослужебныхъ церемоній и украшеній, римскій обрядъ несомнѣнно можетъ произвести весьма сильное впечатлѣніе. Совсѣмъ иначе смотреть на этотъ обрядъ чловѣкъ православнаго востока, который и въ своемъ, русскомъ напр., храмѣ постоянно видитъ такое величіе и такую красоту, послѣ которыхъ Римъ никакъ ужъ удивить его не въ силахъ. Если-же, при всемъ томъ, и у русскихъ путешественниковъ-очевидцевъ можно иногда встрѣтить описанія римскихъ богослуженій, написанныя въ слишкомъ приподнятомъ тонѣ, то эти описанія, сколько помнится, обыкновенно имѣютъ своимъ предметомъ службы непремѣнно папскія и притомъ тогда, когда этотъ папа былъ еще свѣтскимъ государемъ и въ храмѣ окружалъ себя всѣмъ блескомъ придворнаго и военнаго церемоніала. При этихъ условіяхъ необходимо такимъ образомъ имѣть въ виду, что большая часть авторскихъ восторговъ относится собственно не столько къ самому римско-католическому богослуженію, сколько къ тѣмъ случайнымъ элементамъ, которые иногда въ него приходятъ, а потому и придавать подобнымъ отзывамъ слишкомъ широкое значеніе и говорить на ихъ основаніи вообще о необычайномъ величіи и красотѣ латинскаго ритуала отнюдь не слѣдуетъ.

Какъ въ нашей православной церкви, такъ точно и въ

римско-католической, великій постъ и въ особенности страстная недѣля, называемая на западѣ „святою (settimana santa), весьма изобилуютъ богослуженіями. При своемъ пребываніи въ Римѣ мы старались не опускать ни одного изъ этихъ богослуженій, а потому иногда приходилось проводить въ храмѣ почти цѣлый день, начиная напр. съ восьми часовъ утра и до семи часовъ пополудни, имѣя въ промежуткѣ лишь часа два, чтобы пообѣдать въ ближайшемъ ресторанѣ. Большую часть службъ мы проводили въ главныхъ патриаршихъ базиликахъ S. Giovanni, S. Pietro и S. Maria Maggiore и только иногда въ S. Croce и нѣкоторыхъ другихъ церквахъ. Когда входилъ я въ эти величественные храмы, мнѣ прежде всего казалась нѣсколько странною та довольно значительная пустота, которая въ нихъ царила. Въ Москвѣ мы привыкли, что при богослуженіяхъ страстной недѣли, особенно въ ея послѣдніе дни, всѣ храмы наполнены богомольцами; въ соборы-же, гдѣ службы совершаются съ преимущественною торжественностію, и войти не всегда бываетъ возможно. Въ Римѣ я увидѣлъ совсѣмъ не то. Здѣсь въ главныхъ базиликахъ народъ обыкновенно сплотится тѣсною толпою только впереди, а четыре пятыхъ всего пространства храма, если даже не болѣе, остаются совсѣмъ пустыми. За все время своего здѣсь пребыванія нѣкоторое многолюдство я встрѣтилъ только при концѣ вечернихъ службъ, когда хоръ исполнялъ знаменитое „miserere“. Не слѣдуетъ, конечно, при этомъ забывать необычайныхъ размѣровъ римскихъ патриаршихъ базиликъ, для наполненія которыхъ потребовались-бы многіе десятки тысячъ народа; а между тѣмъ въ Римѣ великое множество и другихъ церквей, по которымъ распределяется все его народонаселеніе, во всей своей совокупности простирающееся лишь до полумилліона. Постоянные жители Рима, насколько я могъ замѣтить, не очень стремятся къ торжественнымъ службамъ базиликъ, что, конечно, вполне понятно, такъ какъ для нихъ эти службы не новость. Туда стекаются преимущественно иностранцы и провинціалы, которые для того и пріѣзжаютъ на это время въ Римъ, чтобы полюбоваться его религіозными церемоніями. Однако количество пріѣзжихъ даже и въ юбилейный годъ, очевидно, не таково, чтобы создать тѣсоту въ грандіозныхъ римскихъ храмахъ. Да и большинство пріѣзжихъ богомольцевъ не об-

наруживааетъ особенно сильнаго желанія тѣсниться въ храмахъ слишкомъ настойчиво и слишкомъ долго. Римскіе католики вообще, мнѣ кажется, при всей своей набожности, продолжительныхъ богослуженій не любятъ. Они привыкли, что, при множествѣ повсюду устроенныхъ алтарей, постоянно, почти во всякое время, то тамъ то здѣсь можно видѣть пастера, беззвучно совершающаго тайную миссу (*missa privata, lecta*), и, повидимому, гораздо болѣе предпочитаютъ провести колѣнопреклоненно минутъ десять или пятнадцать въ такой безмолвной молитвѣ, чѣмъ присутствовать при долговременныхъ службахъ, сопровождающихся чтеніемъ и пѣніемъ. И тѣмъ съ меньшею охотою римско-католическая публика стремится въ главныя базилики, что нѣтъ тамъ почему-то того существеннаго удобства, какимъ она привыкла пользоваться при своихъ богослуженіяхъ всегда и вездѣ, а именно нѣтъ скамеекъ для сидѣнія, обыкновенно составляющихъ на западѣ непремѣнную церковную принадлежность. Правда, въ храмѣ св. Петра предъ вербнымъ воскресеніемъ нѣсколько дней усиленно трудилась цѣлая артель плотниковъ и обойщиковъ, созидавъ временныя мѣста для публики, какъ это и всегда здѣсь бываетъ предъ большими праздниками и въ особенности предъ какими либо экстренными церемоніями съ участіемъ самого папы. На этотъ разъ устроена была возвышенная эстрада съ ложами для дамъ, а внизу—огражденное барьеромъ мѣсто со скамьями для мужчинъ, но на всѣхъ этихъ мѣстахъ могло помѣститься не болѣе, какъ человекъ двѣсти и притомъ туда допускали только по билетамъ, которые заблаговременно пріобрѣтались главнымъ образомъ иностранцами чрезъ посольства или за деньги. Что касается другихъ базиликъ, то тамъ въ распоряженіе богомольцевъ предоставлялось всего лишь пять-шесть не большихъ переносныхъ скамеекъ, которыми и пользовались немногіе счастливыя, успѣвавшіе забраться въ церковь пораньше. Громадное большинство богомольцевъ вынуждено такимъ образомъ волей-неволей молиться въ храмѣ по нашему православному обычаю, стоя на ногахъ, что для западныхъ христіанъ совсѣмъ не привычно и потому представляется слишкомъ утомительнымъ. Въ виду этого, нѣкоторые изъ особенно ревностныхъ или наиболѣе любопытныхъ богомольцевъ, намѣреваясь пробить въ храмѣ во все продолженіе службы,

запасаются своими собственными маленькими складными стульями, которыми во множествѣ торгуютъ римскіе магазины по одной или по двѣ лиры за штуку. Большая-же часть посѣтителей базиликъ, очевидно, предпочитаютъ совсѣмъ не обременять себя очень продолжительной молитвой, стараясь притти въ храмъ лишь къ наиболѣе интереснымъ моментамъ службы и спокойно удаляясь изъ него, когда эта служба кажется слишкомъ затянувшееся. Потому-то въ римскихъ базиликахъ даже и при самыхъ важныхъ и торжественныхъ богослуженіяхъ никогда особеннаго многлюдства, а тѣмъ болѣе тѣсноты, не бываетъ.

По составу клира патріаршія базилики всѣ на соборномъ положеніи, т. е. при нихъ состоитъ многочисленный такъ называемый капитулъ, члены котораго именуется канониками. Подобно нашимъ соборянамъ, каноники сходятся въ свой храмъ на всѣ богослуженія, принимая дѣятельное участіе въ ихъ совершеніи. Мѣстопробываніемъ канониковъ во время богослуженія служить такъ называемый хоръ, т. е. передняя, расположенная прямо предъ алтаремъ и загражденная барьеромъ, часть храма, составляющая, въ общемъ планѣ его, верхній конецъ латинскаго креста. Здѣсь, по обѣимъ боковымъ стѣнамъ, возвышаясь горою, тянутся три ряда рѣзныхъ массивныхъ деревянныхъ сѣдалищъ съ высокими спинками и съ пюпитрами впереди. Расположены эти сѣдалища такъ, что сидящіе на нихъ у противоположныхъ стѣнъ клирики обращены лицомъ другъ къ другу, а бокомъ—съ одной стороны къ алтарю, съ другой — къ народу. Предъ началомъ службы можно наблюдать, какъ каноники собираются къ ней одинъ по одному. Каждый, проходя по пространству хора, непременно остановится противъ алтаря, на нѣсколько секундъ молитвенно склонитъ голову, затѣмъ чуть-чуть кивнетъ собратіямъ на обѣ стороны и отправляется къ своему мѣсту. Обычная одежда каноника, когда онъ въ хорѣ, состоитъ изъ длинной черной сутаны съ широкимъ темно-фіолетовымъ поясомъ, длинные концы котораго спускаются на боку. Поверхъ сутаны надѣта пелерина изъ бѣличьяго или горностаеваго мѣха на темно-фіолетовой подкладкѣ, при чемъ задній конецъ этой пелерины нѣсколько загнуть подкладкою наружу и лентами поддержать кверху. Въ рукахъ у каждаго каноника молит-

венникъ и беретъ, т. е. чернаго цвѣта шапочка съ расширяющейся кверху четверугольной тульей и съ помпономъ на ея вершинѣ. Занявъ свое мѣсто, каноникъ кладетъ и шапочку и молитвенникъ предъ собою на пюпитрѣ. Располагаются сидящіе на мѣстахъ хора соотвѣтственно достоинству ихъ сана или должностнаго положенія, такъ что высшіе возсѣдаютъ въ самомъ верхнемъ ряду сѣдалищъ а низшіе въ нижнемъ. Въ числѣ высшихъ всегда можно видѣть одного или нѣсколькихъ епископовъ, у которыхъ и одежда и беретъ темно-краснаго цвѣта, а на груди золотой наперсный крестъ, висящій впрочемъ не во всю длину цѣпочки, какъ носятъ кресты у насъ, а подвѣшенный на одну изъ пуговицъ сутаны, такъ что цѣпочка располагается по обѣ стороны креста спускающимися внизъ полукружіями. Такъ какъ число мѣстъ въ хорѣ значительно превышаетъ количество членовъ клира, которыхъ въ храмѣ св. Петра напр. я ни при одной службѣ не насчитывалъ болѣе сорока, то многія сѣдалища остаются пустыми и потому никакого симметрическаго порядка въ общей картинѣ хора во время богослуженія не получается.—Собираются каноники въ храмъ безъ особенной поспѣшности, такъ что нерѣдко довольно уже спустя послѣ начала службы то одинъ то другой изъ нихъ только еще направляется къ своему мѣсту. Привычка постоянно быть на виду народа даетъ имъ, конечно, возможность нисколько не стѣсняться тѣмъ, что взоры всѣхъ и отовсюду устремлены на нихъ. Иной разъ видишь, какъ какой-нибудь почтенный отецъ мирно подремываетъ, пристроившись какъ можно удобнѣе между высокими ручками своего широкаго и комфортабельнаго сѣдалища... Другой сосредоточенно пощелкиваетъ пальцемъ по табакерочкѣ, извлекаетъ оттуда порцію и, улучивъ удобный моментъ, прищурившись, со свистомъ отправляетъ ее по надлежащему адресу. А тамъ два старца-сосѣда, подъ шумокъ монотоннаго чтенія, ведутъ пріятельскую бесѣду и, благодушно посмѣиваясь, очевидно, дѣлятся впечатлѣніями по поводу какой-либо интересной послѣдней новости. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобныя явленія сравнительно рѣдки и въ общемъ поведеніе канониковъ въ хорѣ вполне прилично и благообразно. Громадное большинство ихъ держать себя съ подобающимъ храму и ихъ священному сану благоговѣ-

ніемъ, а нѣкоторые даже прямо удивляютъ своимъ неизмѣннымъ высокимъ религіознымъ настроеніемъ. Аккуратно являясь къ самому началу продолжительныхъ утреннихъ и вечернихъ службъ, они всецѣло сосредоточиваютъ на богослуженіи все свое вниманіе, какъ будто забываютъ о всемъ окружающемъ и ни на минуту не отрываются отъ своихъ молитвенниковъ, развѣ только для того, чтобы поклономъ отвѣтить на кажденіе, или выполнить какую-либо очередную богослужебную-же обязанность.

По установленному порядку, на страстной недѣлѣ органъ не употребляется и все богослуженіе исполняется исключительно человѣческими голосами. При болѣе торжественныхъ службахъ обыкновенно поетъ пѣвческій хоръ, а въ остальныхъ случаяхъ пѣніе, какъ и въ нашихъ соборахъ, лежитъ на обязанности всего соборнаго клира, т. е. всѣхъ канониковъ. Такое пѣніе не отличается ни красотой, ни разнообразіемъ. Это какой-то монотонный речитативъ съ постоянно-однообразнымъ окончаніемъ каждой отдѣльной музыкальной фразы. Ничто подобное можно слышать у насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на причастномъ стихѣ исполняется пѣніе какого-либо псалма; но темпъ римско-католическаго пѣнія гораздо болѣе ускоренный, а потому оно еще менѣе мелодично и получаетъ характеръ какого-то бормотанія. Способъ исполненія при этомъ исключительно антифонный, т. е. правая и лѣвая сторона хора поютъ поочередно по одному стиху. Такое, иногда весьма продолжительное, пѣніе смѣняется столь-же продолжительнымъ чтеніемъ на распѣвъ кого-либо изъ канониковъ предъ аналоемъ на срединѣ хора, а такъ какъ нѣтъ при этомъ ни процессій, ни какихъ-либо красивыхъ священнодѣйствій, то, конечно, по общему впечатлѣнію, эти будничныя великопостныя богослуженія представляются довольно скучными и однообразными. Иной характеръ получаетъ служба, когда она сопровождается участіемъ пѣвческаго хора, какъ это было напр. за литургіей, или при исполненіи „miserere“ въ концѣ вечерней службы послѣднихъ дней страстной недѣли. При этомъ въ храмѣ Св. Петра нѣсколько разъ привелось мнѣ послушать и пресловутую папскую капеллу. Пѣвческіе хоры патріаршихъ базиликъ, не исключая и капеллу папскую, очень немногочисленны. При моемъ пребываніи въ Римѣ я ни разу не

видалъ, чтобы число пѣвцовъ превышало цифру тридцати, или тридцати двухъ. Само собою разумѣется, что такой хоръ никакъ нельзя назвать достаточнымъ для такой громады, какъ S. Pietro, и наполнить ее звуками въ надлежащей степени онъ, конечно, не въ силахъ, а потому желающій послушать пѣніе какъ слѣдуетъ долженъ быть предусмотрительнымъ и занимать мѣсто въ передней части храма. Помѣщеніемъ для пѣвцовъ служить особая ложа, устроенная на нѣкоторой высотѣ и огражденная со всѣхъ, доступныхъ взору зрителя, сторонъ частою золоченой рѣшеткой, такъ что разсмотрѣть ихъ тамъ весьма затруднительно. Однако нѣсколько разъ, когда богослуженіе сопровождалось торжественными процессіями, пѣвцы спускались внизъ изъ своего помѣщенія и парами двигались вмѣстѣ съ духовенствомъ. По внѣшности своей, это весьма солидныя особы, плотной конструкціи, гладко выбритыя и съ очень значительнымъ процентомъ сѣдины и почтенныхъ лысинъ. По возрасту, самому младшему изъ пѣвцовъ никакъ не дашь менѣе 25-ти и даже тридцати лѣтъ, большинству же навѣрное далеко за сорокъ. Одѣты всѣ они въ длинныя черныя сутаны, поверхъ которыхъ короткая бѣлая кружевная кофточка (superpelliceum) съ широкими рукавами, обычный костюмъ всякаго клирика. Дать основательный отзывъ о качествѣ самаго пѣнія римскихъ хоровъ я не берусь, такъ какъ не обладаю достаточной для того компетенціей. Не какъ музыкально-образованный цѣнитель, а въ качествѣ зауряднаго слушателя, могу лишь сказать, что въ общемъ это пѣніе произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе. Я не думаю утверждать, что 'будто-бы римскіе пѣвческіе хоры, по необычайному совершенству своему, представляютъ собою нѣчто совершенно исключительное и недосягаемое. Напротивъ, мнѣ думается, что и по силѣ, и по составу голосовъ, и по музыкальному развитію и тонкости исполненія какой нибудь нашъ синодальный или чудовской хоръ нѣсколько не уступитъ папской капеллѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и превзойдетъ ее. Однако это, конечно, нѣсколько не препятствуетъ и папскую капеллу напр. слушать съ истиннымъ наслажденіемъ. Что въ особенности меня пріятно изумило, такъ это самый характеръ тѣхъ пѣснопѣній, какія исполнялись въ службахъ страстной недѣли. Уз-

навѣ изъ предварительныхъ росписаній, что будутъ исполнены произведенія наиболѣе извѣстныхъ и употребительныхъ композиторовъ, каковы напр: Капocchi, Мелуцци, Питони, Гуліельми, Базили и въ особенности Палестрина, я ожидалъ указанныхъ моментовъ богослуженія съ напряженнымъ интересомъ, такъ какъ считалъ себя въ правѣ предполагать, что услышу нѣчто наиболѣе типичное для характеристики латинской церковной музыки. Дождавшись и наслушавшись, я тотчасъ-же убѣдился, что это совсѣмъ не та итальянщина, противъ неумѣстнаго внесенія которой въ православную богослужебную практику нашими пѣвческими хорами мы въ послѣднее время такъ сильно и справедливо возмущаемся. Это нѣчто въ высшей степени торжественное и величавое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трогательное, сильно дѣйствующее на душу и возбуждающее въ ней высокое религіозное настроеніе. Здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ той крайней изысканности и театральности, которыя намъ представляются неприличными въ священной обстановкѣ храма. Напротивъ, мнѣ думается, что очень многіе изъ тѣхъ музыкальныхъ номеровъ, какіе пришлось мнѣ слышать на римскихъ службахъ, смѣло могли-бы быть исполнены и въ нашемъ православномъ храмѣ. Если мы встаемъ противъ итальянщины въ церковномъ пѣніи, то дѣло идетъ здѣсь, очевидно, о безцеремонномъ внесеніи въ наше богослуженіе такихъ композицій и мотивовъ, которые заимствуются неразборчивыми композиторами прямо изъ какихъ нибудь оперъ или романсовъ. Что-же касается серьезной итальянской церковной музыки, то мнѣ думается, что и съ православной точки зрѣнія она далеко не заслуживаетъ слишкомъ рѣзкаго или прямо отрицательнаго къ себѣ отношенія. Говоря о римскомъ пѣніи, нельзя, наконецъ, не упомянуть объ его удивительныхъ солистахъ. Когда я въ первый разъ въ храмѣ Св. Петра услышалъ напр. великолѣпнѣйшее сопрано съ какимъ-то страстнымъ, рыдающимъ отгѣнкомъ, я вполне былъ увѣренъ, что это поетъ женщина, какая нибудь знаменитая артистка или любительница, какъ это часто допускается въ московскихъ католическихъ церквахъ. Каково-же было мое изумленіе, когда владѣльцемъ чуднаго сопрано оказался довольно толстый господинъ, лѣтъ подъ сорокъ, въ обычномъ костюмѣ клирика?! Тутъ только

припомнились мнѣ рассказы о томъ дикомъ, варварскомъ обычаѣ, который и доселѣ, очевидно, практикуется при папскомъ дворѣ, не къ большой для него чести поставляя ватиканъ на одну линію съ гаремами мрачнаго востока.

Престолы римско-католическихъ храмовъ, какъ извѣстно, устроятся на возвышеніи нѣсколькихъ ступеней и совершенно открыты для народа. Въ обычное внѣбогослужбное время на престолѣ, по краю его дальней стороны, стоитъ высокое распятіе, а съ обѣихъ сторонъ его по три подсвѣчника со свѣчами. Къ подножіямъ распятія и подсвѣчниковъ приставлены три печатныхъ листка, въ рамкахъ за стеклами, и тѣмъ ограничивается все убранство престола. На среднемъ изъ трехъ указанныхъ листовъ напечатанъ текстъ тѣхъ молитвъ и возгласеній, которыя произносятся священникомъ въ важнѣйшіе моменты миссы, а именно, когда онъ беретъ въ руки гостію и затѣмъ возвышаетъ ее предъ народомъ; на боковыхъ-же съ одной стороны — молитвы при благословеніи воды и омовеніи рукъ, а съ другой — начало евангелія отъ Іоанна, обязательно читаемое священникомъ при окончаніи каждой миссы. У католиковъ престолъ не считается неприкосновенною святыней и всякій мірянинъ можетъ и подойти къ нему, и положить на него руку или локоть. Пользуясь этимъ, я однажды подошелъ къ одному изъ боковыхъ престоловъ храма и сталъ разсматривать въ подробностяхъ стоявшія на немъ рамки съ молитвами. Лишь только замѣтилъ это какой-то англичанинъ, съ Бедкеромъ въ рукахъ путешествовавшій по храму, какъ тотчасъ-же устремился вслѣдъ за мною и я едва могъ удержаться отъ смѣха при видѣ его полнѣйшаго разочарованія, когда онъ съ нескрываемымъ недоумѣніемъ посматривалъ то на меня, то на рамки, очевидно не найдя въ нихъ рѣшительно ничего такого, что представлялось ему достойнымъ вниманія просвѣщеннаго туриста. — Предъ совершеніемъ тайной или частной миссы на престолѣ не бываетъ никакихъ приготовленій. Священникъ, облачившись въ сакристіи (ризницѣ), идетъ оттуда къ алтарю и несетъ съ собою въ рукахъ все важнѣйшее, потребное для совершенія таинства, а именно: чашу и дискосъ съ веществомъ для евхаристіи, мѣшечекъ съ антиминсомъ и пр. Впереди его шествуетъ клирикъ, который долженъ прислуживать при

миссъ, и также несетъ съ собою нѣкоторыя, потребныя при богослуженіи, предметы, какъ-то: книгу Missale (служебникъ), маленькій колокольчикъ для звона въ него при важнѣйшихъ моментахъ службы и т. д. Все это должнымъ образомъ располагается на своихъ мѣстахъ и употребляется по назначенію, а затѣмъ, когда служба окончена, снова складывается и тѣмъ же порядкомъ въ полномъ молчаніи уносится въ сакристію. При множествѣ алтарей въ главнѣйшихъ римскихъ храмахъ, очень часто видишь то тамъ то здѣсь это молчаливое благоговѣйное шествіе патера и клирика, направляющееся къ какому-либо изъ престоловъ, или возвращающееся въ сакристію. Предъ совершеніемъ миссы торжественной все, потребное для таинства, готовится клириками заблаговременно и поставляется или полагается частью на престолъ, частью же на жертвенникъ (credentia), т. е. временно устрояемомъ столикъ на сѣверной сторонѣ престола, внизу его возвышенія. На той-же сторонѣ, только наверху, у самого угла престола, поставляется складное, прикрытое подушкой, кресло, если совершителемъ миссы будетъ епископъ или такой аббатъ, который имѣетъ привилегію совершать богослуженіе по епископскому чину. Къ числу приготовленій для торжественной миссы относится также и возжиганіе тѣхъ шести свѣтильниковъ, которые прямою линіей расположены на престолъ по обѣ стороны распятія. Въ громадныхъ римскихъ базиликахъ эти свѣтильники много выше человѣческаго роста, а потому, для ихъ возжиганія, между стѣною храма и престоломъ, почти въ уровень съ высотой послѣдняго, устрояется обычно узкій проходъ, къ которому можно подняться по особой боковой лѣсенкѣ. Но такъ какъ въ тѣхъ-же базиликахъ главный, или такъ называемый папскій, престолъ расположенъ на срединѣ храма и лицомъ къ народу, то при немъ такого приспособленія не имѣется, а потому однажды мнѣ пришлось видѣть, что церковный слуга, исполняя свою обязанность, спокойно влѣзъ на самый престолъ и ходилъ по его поверхности. Единственное, чѣмъ онъ выразилъ при этомъ если не свое уваженіе къ престолу, то по крайней мѣрѣ свою чистоплотность, состояло въ томъ, что предварительно онъ покрылъ престолъ какою-то пеленою. На православнаго человѣка такое отношеніе римскихъ католиковъ къ святынь

престола невольно производить нѣсколько тяжелое впечатлѣніе. Въ высшей степени страннымъ представляется, на нашъ взглядъ, и то обстоятельство, что въ римско-католическіе храмы свободно пускаютъ собакъ и это нисколько не считается оскорбительнымъ для ихъ святыни. Во время богослуженія въ одной изъ церквей Флоренціи я имѣлъ случай наблюдать, какъ одна небольшая собачка, явившаяся съ какою-то дамой, непрестанно бѣгала по церкви, обнюхивая всѣ углы и закоулки, или вертѣлась около своей хозяйки, когда та молилась на колѣнахъ у ступеней алтаря. Въ Римѣ я не видѣлъ этого; но судя по тому, что только въ притворѣ храма Св. Петра вывѣшены спеціальныя объявленія, запрещающія вводить собакъ вмѣстѣ съ собою, можно думать, что это запрещеніе представляется исключеніемъ и на остальные храмы Рима не распространяется.

Наиболѣе красивыми моментами въ римско-католическомъ богослуженіи слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать процессіи, совершаемыя не только при разныхъ особенныхъ случаяхъ; но и обязательно предъ началомъ и при окончаніи каждой архіерейской и вообще торжественной миссы. Къ назначенному времени обыкновенно всѣ участники богослуженія собираются въ сакрестію, облачаются здѣсь и затѣмъ торжественною процессіей шествуютъ къ алтарю почти чрезъ все пространство храма. Открываетъ шествіе церковный швейцаръ въ ливреѣ и съ большою булавою въ рукѣ, за нимъ несутъ двѣ зажженныхъ свѣчи и предносный епископскій крестъ, затѣмъ шествуетъ парами весь соборный клиръ, или монахи, какъ напр: въ базиликѣ S. Сросе, которая находится въ вѣдѣніи Цистерціанцевъ, и, наконецъ, тѣ священнослужители, которые назначены для совершенія миссы. Благодаря большому составу соборныхъ капитуловъ, процессіи бывають очень многочисленны, такъ что въ храмѣ св. Петра напр. предъ миссой вербнаго воскресенія я насчиталъ 24 пары соборныхъ клириковъ, кромѣ служащихъ и тѣхъ, которые несли крестъ и свѣчи. Въ особенныхъ случаяхъ при процессіи шествуетъ и хоръ пѣвчихъ, а въ великую субботу къ ней присоединялись и всѣ рукополагаемые въ этотъ день въ разныя церковныя степени, при чемъ общее число этихъ рукополагаемыхъ доходило до 92-хъ. Длинная вереница клириковъ въ ихъ однообразныхъ костюмахъ, въ

бѣлыхъ кофточкахъ или бѣличьихъ и горностаевыхъ пелеринахъ, ровною лентой тянущаяся по храму, представляетъ въ общемъ очень красивое зрѣлище. Замыкающіе процессію священнослужители служатъ, конечно, ея наилучшимъ украшеніемъ, такъ какъ выдѣляются изъ ряда другихъ своими полными священными облаченіями. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по случаю страстной недѣли, эти облаченія не отличались особеннымъ блескомъ и роскошью: онѣ были темно-фіолетовыя или совсѣмъ черныя, какъ въ великую пятницу напр., и только въ субботу священнодѣйствовавшій въ базиликѣ S. Giovanni папскій вице-герентъ Джузеппе Чеппетелли, архіепископъ Мирскій, былъ въ высшей степени наряденъ и изященъ въ своемъ роскошномъ бѣломъ парчевомъ облаченіи, вышитомъ золотомъ, въ такой же митрѣ и такихъ-же сандаляхъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. По обычаю римской церкви, облаченіе епископа совершается не на срединѣ храма, какъ у насъ, а у престола, у праваго (считая отъ народа) угла его, гдѣ ставится и епископское кресло (*faldistorium*). Однако нерѣдко это облаченіе происходитъ и совсѣмъ не на глазахъ народа, въ сакристіи. При своемъ пребываніи въ Римѣ мнѣ только однажды привелось видѣть, какъ облачали епископа у престола, въ остальныхъ-же случаяхъ онъ шествовалъ къ алтарю въ процессіи уже совсѣмъ облаченнымъ, имѣя на плечахъ поверхъ всего длинную парчевую мантию (*pluviale*), въ митрѣ и съ высокимъ посохомъ въ рукѣ. Когда процессія приближается къ алтарю, епископскій посохъ ставится за престоломъ съ правой стороны, а предносный крестъ—съ лѣвой. Архіерейское служеніе въ римско-католической церкви гораздо менѣе красиво и величественно, чѣмъ въ нашей православной. Послѣ процессіи, которая замѣняетъ нашу встрѣчу, въ этомъ служеніи нѣтъ никакихъ выдающихся по красотѣ и торжественности моментовъ до тѣхъ поръ, пока мисса не придетъ къ концу и начнется снова повтореніе той-же процессіи, возвращающейся въ сакристію. Нѣтъ тамъ облаченія епископа на срединѣ храма, нѣтъ ни малаго, ни великаго входа, нѣтъ осѣненій, нѣтъ нашей превосходной архипастырской молитвы „призри съ небесе Боже“, нѣтъ тѣхъ замѣчательныхъ дѣтскихъ тріо, которыя даже на тревожную душу способны произвести смягчающее и умиротворяющее впечатлѣніе.

Если въ чемъ я, пожалуй, и готовъ отдать нѣкоторое предпочтеніе архіерейской службѣ латинской, такъ только въ томъ, что нѣтъ въ ней того ужаснаго протодіаконскаго крика, которому, мнѣ кажется, слѣдовало-бы у насъ положить и, къ счастью, иногда полагаются должныя границы. Недостатокъ торжественности въ латинской архіерейской службѣ обусловливается въ значительной степени и самымъ составомъ служащихъ. По римскому обычаю, сослужащими епископу являются только одинъ пресвитеръ и два или три діакона. Само собою разумѣется, что картина при этомъ получается очень скудная, сравнительно съ нашимъ архіерейскимъ служеніемъ, при которомъ обыкновенно мы видимъ по обѣ стороны престола или епископскаго мѣста цѣлые ряды архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ. Не особенно красиво и самое положеніе сослужащихъ римско-католическому архіерею; они, не исключая и пресвитеровъ, не участвуютъ въ совершеніи таинства, а только прислуживаютъ предстоятелю, подаютъ ему все потребное и даже носятъ шлейфъ его мантии. При папскомъ служеніи подобныя обязанности исполняютъ даже епископы и патриархи. Священные одежды, употребляемая при римско-католическомъ богослуженіи, въ сущности тѣ-же, какія употребляются и въ православной церкви, хотя и по способу употребленія и по самому покрою своему онѣ иногда значительно отличаются отъ нашихъ. Имѣется тамъ и подризникъ, или стихарь (*alba, dalmatica*), и поясъ (*singulum*), орарь или эпитрахиль (*stola*), фелонь (*plana, casula*), омофоръ (*pallium*); но есть и свои спеціальныя особенности въ одеждахъ, православному наблюдателю замѣтно бросающіяся въ глаза. Принадлежность всѣхъ трехъ высшихъ священныхъ степеней составляетъ напр. такъ называемый *manipulum*, нѣчто въ родѣ короткаго ораря, который надѣвается и застегивается на лѣвой рукѣ нѣсколько выше кисти, а потому постоянно видѣнь при всѣхъ движеніяхъ священнослужителя. Въ костюмѣ латинскаго епископа нельзя не замѣтить его вышитыхъ золотомъ сандалій и бѣлыхъ перчатокъ, при чемъ поверхъ одной изъ нихъ сіяетъ перстень—необходимая принадлежность епископскаго сана, возлагаемая при самомъ рукоположеніи. Своеобразную форму имѣетъ и латинская митра. Сдѣланная какъ будто изъ картона, обшита какой либо тонкой матеріей

или парчею, она въ нижней части своей представляет собою нѣчто въ родѣ нашей камилавки; но на вершинѣ эта камилавка раздвояется, при чемъ передняя и задняя части ея заостренными треугольниками торчатъ отдѣльно, какъ у кокошника, или боярской кички. Изъ подъ задней части митры спускаются по головѣ епископа два короткихъ конца лентъ, какъ это бываетъ у шотландскихъ шапочекъ. Внѣ богослужебнаго употребленія митра обыкновенно складывается, какъ скуфья, и хранится въ плоскомъ футлярѣ.—Изъ символическихъ дѣйствій, употребляемыхъ при римско-католическомъ богослуженіи, невольно обращаетъ на себя вниманіе отличный отъ нашего способъ кажденія. Самое кадило имѣетъ тамъ такую-же форму, какъ у насъ; но кадящій, взявъ въ лѣвую, опущенную по бедру, руку верхній конецъ цѣпочекъ, правою рукою беретъ эти цѣпочки почти надъ самою кадилницей, высоко поднимаетъ ее противъ груди своей и здѣсь размахиваетъ взадъ и впередъ, сопровождая кажденіе легкимъ наклоненіемъ одной только головы. Такъ же высоко держитъ кадило и священнодѣйствующій у алтаря, при чемъ онъ кадитъ не около престола, какъ у насъ, а надъ нимъ, окружая кадилницей стоящіе на немъ святыя дары. При кажденіи канониковъ на ихъ сѣдалищахъ кадящій выступаетъ на средину хора и кадитъ каждому изъ нихъ отдѣльно съ строгимъ соблюденіемъ іерархическаго порядка, обращаясь сперва къ верхней скамьѣ правой стороны, затѣмъ къ верхней лѣвой, средней правой и средней лѣвой, нижней правой и нижней лѣвой. Отвѣчая на кажденіе, каждый изъ канониковъ беретъ въ руку свой беретъ, обыкновенно лежащій предъ нимъ на пюпитрѣ. — Любопытную особенность всякой торжественной римско-католической службы составляетъ присутствіе при ней особаго церемоніи-мейстера, который распоряжается всѣмъ ходомъ богослуженія и о которомъ часто даже въ газетахъ пишутъ, что „распорядился“ или „будетъ распорядиться службою такой-то“. Обыкновенно это одинъ изъ почтенныхъ членовъ клира, который однако самъ въ данномъ священнодѣйствіи не участвуетъ и одѣтъ лишь въ бѣлую кофточку клирика. Во все продолженіе службы онъ неизмѣнно находится при епископѣ и у престола и постоянно раздаетъ направо и налево свои приказанія участвующимъ, или дѣлаетъ имъ безмолв-

ныя указанія то взглядомъ, то движеніемъ рукъ, то кивкомъ головы. На нашъ взглядъ представляется нѣсколько страннымъ, что римско-католическіе священнослужители какъ будто сами не знакомы въ достаточной степени съ порядкомъ богослуженія и даже епископъ встаетъ и садится, обращается въ ту или другую сторону, совершаетъ тѣ или другія движенія и дѣйствія вообще какъ-то механически повинуются властнымъ указаніямъ какого-то господина, даже и не носящаго на себѣ въ данномъ случаѣ священныхъ облаченій.

Страстная недѣля и главнымъ образомъ вторая половина ея, оканчивая свѣтлымъ днемъ Пасхи, наполнена особенными, чрезвычайными службами и церемоніями, для присутствія на которыхъ обыкновенно съѣзжаются въ Римъ богомольцы и туристы съ разныхъ концовъ міра. При наступленіи этого времени во всѣхъ римскихъ газетахъ появляются предварительныя росписанія съ болѣе или менѣе подробными свѣдѣніями о томъ, когда, кѣмъ и въ какихъ храмахъ будутъ совершаться тѣ или другія службы и церемоніи, при чемъ на каждый день указывается одна изъ главнѣйшихъ базиликъ, гдѣ назначается такъ называемое „стояніе“ (stazione). До Авиньонскаго плѣненія, т. е. до начала XIV вѣка, въ Римѣ существовалъ обычай, что во всѣ дни страстной недѣли папа, сопровождаемый коллегіей кардиналовъ, или лично совершалъ богослуженіе, или торжественно присутствовалъ на немъ въ какой либо изъ главнѣйшихъ римскихъ базиликъ. Вотъ эти-то особенно-торжественныя службы при участіи или въ присутствіи папы и назывались „стояніями“. Въ Авиньонѣ этотъ обычай не могъ быть исполняемымъ, такъ какъ тамъ не было достаточнаго количества обширныхъ и удобныхъ храмовъ, а потому во все время пребыванія въ Авиньонѣ папы присутствовали на службахъ страстной недѣли исключительно въ домово́й церкви своего замка. Такой порядокъ удержанъ былъ и тогда, когда эпоха Авиньонскаго плѣненія закончилась и папы снова возвратились въ Римъ (1377 г.). Въ позднѣйшее время мѣстомъ почти всѣхъ наиболѣе торжественныхъ богослуженій стала Сикстинская капелла Ватиканскаго дворца и только на нѣкоторыя церемоніи папа выходилъ въ храмъ св. Петра. Такимъ образомъ „стоянія“, продолжавшія назначаться въ

главныхъ римскихъ базиликахъ, утратили свой первоначальный характеръ и въ настоящее время подъ этимъ названіемъ нужно разумѣть не болѣе, какъ только особенно торжественное богослуженіе. При существующихъ теперь въ Римѣ условіяхъ, любознательному путешественнику приходится однако этими стояніями довольствоваться, такъ какъ очень многое изъ того, что въ прежнихъ римскихъ религиозныхъ торжествахъ было наиболѣе эффектнымъ, въ настоящее время совершенно прекратилось. Съ 1870-го года, т. е. съ той поры, какъ папа утратилъ свою свѣтскую государственную власть и превратилъ себя въ ватиканскаго узника, не совершается уже болѣе тѣхъ знаменитыхъ благословеній напр., которыя прежде, по великимъ четвергамъ и днямъ свят. Пасхи, давалъ папа съ балкона храма св. Петра колѣнопреклоненнымъ на площади толпамъ народа. Нынѣшній первосвященникъ, кромѣ того, настолько уже старъ и слабъ, что во все время нашего пребыванія въ Римѣ не совершалъ самъ никакихъ публичныхъ богослуженій и не присутствовалъ торжественно ни при одномъ изъ нихъ. Сикстинская капелла за всѣ эти дни пустовала, а папскій пѣвческій хоръ пѣлъ въ храмѣ св. Петра. Даже кардиналы, которыхъ постоянно въ Римѣ великое множество, почему-то слишкомъ рѣдко принимаютъ участіе въ религиозныхъ церемоніяхъ и только двоихъ изъ нихъ пришлось мнѣ видѣть священнодѣйствующими въ храмѣ св. Петра. По моему мнѣнію, такая особенная скромность нынѣшнихъ римскихъ богослуженій не чужда нѣкоторой тенденціи. Мнѣ кажется, что этимъ путемъ папа и его священная коллегія стараются какъ можно яснѣе поставить вѣрующей массѣ народа на видъ якобы горестное и угнѣтенное положеніе церкви и святаго отца и тѣмъ еще разъ выразить свой протестъ противъ совершеннаго надъ церковію „насилія и грабежа“. На эту именно мысль невольно наводятъ тенденціозныя сопоставленія нѣкоторыхъ римскихъ періодическихъ изданій клерикальнаго направленія. Любопытно мнѣ было напр: взглянуть на одинъ изъ номеровъ „Carnet mondain“—небольшаго, изящно-издаваемаго иллюстрированнаго листка, громко титулующаго себя „chronique de la vie élégante romaine“. Вся первая половина номера занята довольно подробнымъ росписаніемъ службъ и церемоній на всю страстную недѣлю,

начиная вербнымъ воскресеніемъ и оканчивая свѣтлымъ днемъ Пасхи. Во всемъ этомъ росписаніи нѣтъ ни одной службы, которую совершалъ бы самъ папа, нѣтъ ни единого упоминанія ни о папскихъ процессіяхъ, ни о всенародныхъ благословеніяхъ съ балкона базилики. Только два-три раза встрѣчаются здѣсь имена кардиналовъ, а о службѣ свѣтлаго дня въ храмѣ св. Петра всѣ извѣстія ограничиваются лишь девятью строками. Тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ читатель видитъ заглавіе „праздникъ пасхи въ Римѣ и папское служеніе въ базиликѣ св. Петра ранѣе 1870-го года“ и вся вторая половина номера наполнена описаніемъ религіозныхъ церемоній одного лишь пасхальнаго дня. Въ подробныхъ и живописныхъ чертахъ рассказываетъ авторъ о томъ, какъ тогда съ раняго утра палили пушки изъ замка св. ангела, двигались и выстраивались нарядныя колонны папскихъ войскъ, волновались толпы народа и безконечныя вереницы экипажей, наполненныхъ блестящими представителями высшаго общества, стекались ко храму св. Петра, сіявшему своей роскошной обстановкой коврами, позлоты, шелковъ и бархатовъ, приготовленныхъ къ папскому служенію. Съ нескрываемымъ увлеченіемъ описываетъ авторъ, какъ при звукахъ военныхъ оркестровъ и при торжественныхъ пѣнопѣніяхъ папскаго хора двигалась блестящая процессія чрезъ портикъ и двери храма, какъ величественно возвышался надъ нею самъ первосвященникъ, несомый на своихъ носилкахъ, обвѣваемый опахалами изъ павлиныхъ перьевъ и облаченный во всѣ сіяющія золотомъ и драгоценными камнями священныя одежды своего сана. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе всѣхъ красотъ и церемоній папскаго богослуженія, благословенія народа съ высоты балкона и, наконецъ, блестящей иллюминаціи грандіознаго храма, которую завершали торжества пасхальнаго дня. Расчетъ, которымъ руководилась газета, давая своему читателю указанное сопоставленіе, понять, мнѣ кажется, не трудно. Разность настоящаго и прошедшаго, очевидно, намѣренно подчеркивалась для того, чтобы благочестивый человѣкъ, сравнивъ современную скудость съ минувшимъ великолѣпіемъ, глубже почувствовалъ сердечное сокрушеніе, поскорбѣлъ о былыхъ блаженныхъ временахъ и искренно пожелалъ ихъ возможно скорѣйшаго возвращенія.

При всеї сравнительной скромности современнаго римскаго ритуала страстной недѣли, въ немъ во всякомъ случаѣ не мало такихъ особенныхъ церемоній и обрядовъ, на которыхъ съ удовольствіемъ остановитъ свое вниманіе всякій, вообще интересующійся богослужебнымъ строемъ римско-католической церкви.

Утромъ вербнаго воскресенія (*Dominica palmarum*) служба въ храмѣ св. Петра началась въ половинѣ 9-го совершеніемъ утрени. Почти цѣлыи часъ продолжалось антифонное пѣніе и однообразное чтеніе нараспѣвъ, при чемъ исполнителями были каноники. Собралось ихъ на эту службу всего лишь человекъ пятнадцать, а потому, когда они разсѣялись по обширнымъ скамьямъ хора, невольно бросалась въ глаза зрителю нѣкоторая пустота, не особенно соотвѣтствовавшая величію праздника. По окончаніи утрени, изъ сакрестіи къ престолу кафедры, т. е. почти чрезъ всю длину храма, двинулась торжественная процессія, въ которой принимали участіе до шестидесяти клириковъ низшихъ и высшихъ, включая нѣсколько прелатовъ и епископовъ. По обычному порядку, начиналась она швейцаромъ съ булавою, двумя свѣчами и предноснымъ крестомъ, а заключалась тремя священнодѣйствующими въ полныхъ облаченіяхъ. Первенствовавшій на этотъ разъ въ служеніи одинъ изъ прелатовъ окропилъ клиръ и народъ святою водою, при чемъ двое остальныхъ сослужащихъ ему носили за нимъ длинный шлейфъ его парчеваго *pluviale*. У праваго передняго угла престола, по епископскому чину, стояло кресло для первослужащаго, а противъ его внизу нѣсколько корзинокъ, наполненныхъ пальмами. Для освященія и раздачи здѣсь подъ именемъ пальмъ употребляются или дѣйствительно пальмовыя вѣтви, или же вѣтви оливковаго дерева, при чемъ первымъ изъ нихъ придается до такой степени искусственная форма, что по тому экземпляру, который держишь въ рукахъ, объ истинномъ видѣ пальмовой вѣтви трудно даже и составить себѣ надлежащее понятіе. Длинные ленты перистаго листа, заплетенныя косами, расположены причудливыми петлями и бантами, концы которыхъ то спускаются внизъ, то торчатъ кверху, расходясь въ разныя стороны. На многихъ экземплярахъ болтаются еще цѣпочки и кресты, сдѣланные изъ той-же пальмы.—Послѣ антифоннаго пѣнія,

чтенія париміи, евангелія и нѣсколькихъ возгласовъ и пѣснопѣній („горѣ имѣимъ сердца“, „достойно и праведно“, „святъ, святъ“ и тд.) священнодѣйствовавшій прочиталъ у престола пять нарочитыхъ молитвъ и затѣмъ троекратно освятилъ приготовленныя пальмы окропленіемъ святою водою и кажденіемъ. Послѣ освященія, священнодѣйствовавшій сталъ на ступеняхъ алтаря лицомъ къ народу и всѣ присутствовавшіе члены клира длинною вереницею подходили къ нему для полученія освященной пальмы. Каждый подходившій, кромѣ епископовъ и прелатовъ, преклонялъ колѣно и цѣловалъ пальму и руку дающаго. Подходили, конечно, строго по чинамъ, при чемъ, соотвѣтственно достоинству получающихъ, и самыя пальмы были не одинаковой величины и качества. Окончивъ раздачу пальмъ клиру, священнодѣйствовавшій выступилъ впередъ къ барьеру хора и сталъ одѣлать народъ; но уже не заплетенными пальмами, а простыми оливковыми вѣтвями. Въ западной церкви всегда очень рѣзко и настойчиво проводится грань между духовенствомъ и народомъ. Это еще наслѣдіе среднихъ вѣковъ, когда знаменитѣйшіе римско-католическіе учителя постоянно проповѣдывали, что только служители церкви представляютъ собою истинныхъ носителей свѣта и добра, тогда какъ весь остальной міръ во злѣ лежитъ и сыны этого міра не могутъ потому имѣть никакого сравненія по своему достоинству съ служителями церкви. Высшимъ выраженіемъ такого возрѣнія явилось, какъ извѣстно, отнятіе у мірянъ чаши въ таинствѣ причащенія, а въ менѣе рѣшительной формѣ оно выражается очень часто и при разныхъ случаяхъ. Невольно мнѣ оно бросилось въ глаза и теперь, когда при одномъ и томъ-же чинѣ освященія пальмъ члены клира получали изъ рукъ освящающаго одно, а міряне совсѣмъ другое. Простая оливковая вѣтвь, которую даютъ всякому богомольцу, не представляетъ ничего особеннаго; а потому иностранцу, конечно, гораздо интереснѣе пріобрѣсти именно ту заплетенную пальму, которая имѣетъ видъ нѣкотораго рода любопытной достопримѣчательности. Получить ее изъ рукъ освящающаго не приходится, но стоитъ лишь выйти изъ дверей храма и тутъ, на спускающихся къ площади ступеняхъ лѣстницы, вы видите цѣлый рядъ торговцевъ, у которыхъ можно купить

заплетенныя пальмы и большія и маленькія по одной лирѣ за штуку и даже дешевле.—По окончаніи раздачи пальмъ, отъ алтаря во всю длину храма двинулась торжественная процессія всего наличнаго клира, при чемъ участники ея держали пальмы въ рукѣ, высоко поднявъ ихъ предъ собою. Выйдя изъ главныхъ дверей, процессія медленно обошла кругомъ внутри портика и снова стала вступать въ тѣ-же двери. Когда часть клира уже была внутри храма, двери затворились; началось антифонное пѣніе, при исполненіи котораго клирики, находившіеся въ храмѣ, чередовались съ оставшимися въ портикѣ. Затѣмъ иподіаконъ коснулся затворенныхъ дверей концомъ предноснаго креста, двери тотчасъ-же раскрылись и процессія съ пѣніемъ направилась къ алтарю. Было уже около одиннадцати часовъ, когда вся церемонія вербнаго воскресенія окончилась и началось совершеніе обычной праздничной миссы, при чемъ клирики держали пальмы въ рукахъ до конца чтенія евангелія.

По установившемся въ Римѣ обычаю, въ день вербнаго воскресенія подносятся особенно приготовленныя и разукрашенныя пальмы святому отцу папѣ. Одна изъ этихъ пальмъ ежегодно подносится представителемъ фамилии Бреска, которой, какъ мы видѣли, предоставлена въ этомъ смыслѣ особая привиллегія еще со временъ Сикста V-го, а другая—отъ римскаго Камальдульскаго монастыря св. Автонія, которому дана привиллегія доставлять пальмы для раздачи всѣмъ должностнымъ лицамъ папскаго двора. Церемонія поднесенія совершена была папскимъ майордомомъ, монсиньеромъ Делла-Вольпе и монс. Граціоли, титулярнымъ архіепископомъ Никопольскимъ. Происходящая, по обычаю, не публично, она недоступна постороннимъ наблюдателямъ, которые только изъ газетъ узнаютъ о нѣкоторыхъ ея подробностяхъ. Въ этихъ газетныхъ извѣстіяхъ я нашель, между прочимъ, и подробное описаніе поднесенной святому отцу пальмы, которую авторъ замѣтки представляетъ прекраснѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ искусства. Оказывается, что это цѣлое сооруженіе, богато украшенное серебромъ и золотомъ, артистической работы розами, ацаліями, ландышами и маргаритками. Здѣсь помѣщаются и тіара съ ключами—символь папской власти, и большой крестъ съ подписью „in hoc signo vinces“, и миниатюрное изображе-

ніе Христа Спасителя, художественно исполненное профессоромъ Де-Симоне, и наконецъ тотъ девизъ, который вырѣзанъ на ватиканскомъ обелискѣ, а именно: „Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat, Christus ab omni malo plebem suam defendat“.

Съ наступленіемъ страстной седмицы римско-католическая церковь вводитъ нѣкоторые особенные обычаи, которые должны служить выраженіемъ благочестивой христіанской печали по поводу воспоминаемыхъ въ эти дни великихъ событій. Кромѣ прекращенія органной музыки и употребленія исключительно темныхъ облаченій, съ четверга до субботы замолкаетъ колокольный звонъ, а послѣ миссы четверга всѣ престолы обнажаются и остаются въ такомъ видѣ до субботы безъ всякихъ одеждъ. Но всего болѣе бросается въ глаза обычай закрывать на страстную седмицу въ храмахъ всѣ священныя изображенія. Громадныя картины и мозаики, которыми такъ богаты римскіе храмы, всѣ сплошь задергиваются темнокрасными завѣсами и такимъ образомъ богомолецъ, случайно попавшій въ Римъ на эти дни, совершенно лишенъ того высокаго наслажденія, какое доставляютъ посѣтителю вѣчнаго города его религіозно-художественныя сокровища. Признаюсь, мнѣ этотъ обычай не представляется особенно удачнымъ. Я затрудняюсь понять, почему и какимъ образомъ благоговѣйное созерцаніе священныхъ изображеній можетъ препятствовать или не соответствовать тому религіозному настроенію, которое желательно въ душѣ христіанина въ великіе дни воспомнанія крестныхъ страданій Спасителя. Вѣдь на этихъ изображеніяхъ взору вѣрующаго представляются или подвиги святыхъ и мучениковъ, совершенные ими по великой вѣрѣ въ Распятаго, или даже тѣ самыя событія, которыя воспоминаются въ эти дни какъ напр: распятіе Христово или тайная вечеря. Въ особенности страннымъ представляется этотъ обычай, если глубже всмотрѣться и вдуматься въ тотъ общій видъ храма, какой при немъ получается. Въ самомъ дѣлѣ, входите Вы напр. въ базилику Св. Петра и что-же? Закрыты всѣ священныя изображенія, закрыты тѣ безсмертныя творенія великихъ художниковъ, которыя способны всецѣло овладѣть вами и возбудить въ душѣ вашей высокое религіозное настроеніе, а безчисленные гербы и портреты папъ, грандіоз-

ные мавзолеи со статуями разных Сикстовъ, Григоріевъ и Иннокентіевъ, безпрепятственно красуются во всемъ блескѣ своего тщеславнаго величія. Закрыто такимъ образомъ то, что составляетъ святую принадлежность храма, какъ дома Божія, а вниманію вѣрующихъ предоставлена полная свобода останавливаться на проявленіяхъ суетнаго стремленія къ славѣ человѣческой. Размышлять объ евангельскихъ событіяхъ или о подвигахъ угодниковъ Божіихъ какъ будто не полагается, а преклоняться предъ величіемъ римскихъ первосвященниковъ и благоговѣть предъ ихъ дѣяніями, о которыхъ краснорѣчиво повѣствуютъ барельефы ихъ мавзолеевъ,—это, повидимому, признается вполне приличнымъ даже и въ дни, посвященные воспоминанію крестныхъ страданій Искупителя. Мнѣ думается, что если ужъ нужно что-либо закрывать въ храмахъ на дни страстной седмицы, то никакъ не священныя изображенія, а именно то, что, напротивъ, теперь оставляется открытымъ, чтобы мысль вѣрующаго забыла о всемъ суетномъ человѣческомъ и постаралась сосредоточиться только на Богѣ и на дѣлахъ Божіихъ.

Наиболѣе знаменательные обряды и богослуженія страстной недѣли у католиковъ, какъ и у насъ, совершаются во вторую ея половину, начиная съ вечера среды. Послѣ четырехъ часовъ пополудни въ среду, четвертокъ и пятницу служится темная вечерня, или такъ называемая „тенебры“ (*officium tenebrarum*). Всѣ свѣтильники храма во время этой службы остаются незажженными и только по правую сторону престола поставляется особый подсвѣчникъ, имѣющій форму нашихъ запрестольныхъ седмисвѣщниковъ, съ пятнадцатью зажженными свѣчами. Вечерня, продолжающаяся около двухъ часовъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ антифоннаго пѣнія хоромъ пятнадцати избранныхъ псалмовъ, при чемъ послѣ каждаго псалма клирикъ подходитъ къ свѣтильнику и гаситъ на немъ одну изъ горящихъ свѣчъ по порядку снизу вверхъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны. Только послѣдняя, самая верхняя, свѣча остается зажженною, вынимается въ такомъ видѣ изъ подсвѣчника и уносится за престоль. По символическому толкованію латинскихъ обрядовъ, эта единственная неугасающая свѣча означаетъ неугасимый свѣтъ—Христа, просвѣщающаго и животворящаго родъ человѣческій, а остальные четырнадцать—

изображаютъ апостоловъ и мучениковъ, при чемъ постепенное гашеніе свѣчъ служитъ будто-бы выраженіемъ того обстоятельства, что ученики Господа въ послѣдніе часы покинули Его и такимъ образомъ ихъ вѣра на нѣкоторое время померкла подъ вліяніемъ страха человѣческаго.—На вечернѣ среды въ базиликѣ S. Maria Maggiore присутствовалъ одинъ изъ кардиналовъ. Встрѣченный при входѣ въ храмъ двумя епископами, онъ прибылъ уже послѣ начала службы и, прослѣдовавъ на лѣвую сторону хора, сѣлъ такъ на верхнее, ближайшее къ престолу, мѣсто, гдѣ и оставался до конца богослуженія. Продолжительная и однообразная служба тенебрь, не представляющая ничего привлекательнаго ни для глазъ ни для слуха, только подъ конецъ оживляется превосходнымъ исполненіемъ пѣвческой капеллы покаянныхъ стиховъ (*lamentationes*) плача Іереміи и пятидесятаго псалма (*miserere*). Выбираются въ этомъ случаѣ произведенія лучшихъ церковныхъ композиторовъ и вы заранѣе можете прочитать въ газетахъ, что въ той или другой базиликѣ будутъ исполнены напр. *lamentationes* Гуліельми, Палестрины или Батталли, *miserere*—Капоччи, Мелюцци, Морикони и Базили, solo сопрано будетъ пѣть г. Морески и тпд. Эта часть службы имѣетъ совсѣмъ уже характеръ концерта, на который стекается масса слушателей и который дѣйствительно можетъ доставить высокое эстетическое наслажденіе. Такъ какъ римская публика, и туземная и пріѣзжая, заблаговременно уведомлена газетными объявленіями, что служба тенебрь начинается въ четыре часа или въ половинѣ пятаго, а *miserere*—въ шесть или въ половинѣ седьмаго, то она, въ громадномъ большинствѣ своемъ, собирается въ храмы лишь къ шести часамъ, чтобы, опустивъ всю скучную и утомительную часть богослуженія, присутствовать только при блестящемъ концертѣ. А концертъ этотъ дѣйствительно можно послушать съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности замѣчательное сопрано, соло котораго продолжалось однажды, какъ я замѣтилъ, около десяти минутъ. При концѣ *miserere*, что служить вмѣстѣ съ тѣмъ и окончаніемъ всего вечерняго богослуженія, вдругъ по всему храму раздается какой-то странный и довольно сильный стукъ и шумъ. Оказывается, что всѣ присутствующіе въ хорѣ клирики, сидя на своихъ мѣстахъ, одновременно начинаютъ двигать и стучать ногами и

руками по пюпитрамъ и подножкамъ своихъ деревянныхъ сѣдалищъ. Этотъ шумъ обязательно производится во всѣ три дня страстной недѣли, когда совершаются тенебры и *misereere*, и имѣеть символическое значеніе. По одному толкованію, онъ долженъ напоминать о шумномъ беззаконномъ судилищѣ, которое осудило на смерть Христа Спасителя, а по другому—о томъ сотрясеніи земли и распаденіи камней, которыми ознаменовалась минута Его кончины, хотя троекратное повтореніе шума и въ среду, и въ четвертокъ, и въ пятницу одинаково не соотвѣтствуетъ ни тому ни другому изъ этихъ толкованій. На той-же вечернѣ весьма любопытное зрѣлище представляетъ собою дѣятельность кардинала великаго пенитенціарія. Въ первый разъ я увидѣлъ этого кардинала (*Msgr. Verga*) за тенебрами въ среду въ базиликѣ *S. Maria Maggiore*. Явился онъ въ храмъ въ половинѣ шестаго, т. е. когда вечерня уже близилась къ окончанію. Одѣтый въ длинную фіолетовую мантию съ краснымъ бархатнымъ воротникомъ въ видѣ пелерины, обшитымъ галуномъ, и въ красномъ беретѣ на головѣ, онъ держалъ въ рукѣ длинную, не менѣе сажени, тонкую палку, которая своимъ постепеннымъ утонченіемъ къ вершинѣ и своимъ изогнутымъ видомъ вполне напоминаетъ обычное удилице. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ, встрѣтившихъ его, клириковъ, кардиналъ прослѣдовалъ къ лѣвой боковой стѣнѣ храма, гдѣ, въ значительномъ отдаленіи отъ главнаго алтаря, подъ небольшимъ балдахинномъ и гербомъ на возвышеніи нѣсколькихъ ступеней поставлено было для него большое украшенное кресло. Противъ этого кресла поставлены были бокомъ къ нему два деревянныхъ диванчика такимъ образомъ, что между ними и ступенями кардинальскаго трона оставался лишь узкій проходъ, по которому можно было пройти только одному человѣку. На диванчикахъ помѣстились другъ противъ друга сопровождавшіе кардинала клирики, тотчасъ-же углубившіеся въ чтеніе своихъ молитвенниковъ, а самъ кардиналъ возсѣлъ на тронъ и протянулъ впередъ свое удилице. Собравшіеся богомольцы стали чрезъ узкій проходъ поодиночкѣ двигаться мимо кардинала, при чемъ каждый изъ нихъ становился предъ трономъ на колѣна и наклонялъ голову, а кардиналъ съ важнымъ сосредоточеннымъ видомъ опускалъ свое удилице и слегка касался концомъ его головы

мужчины или шляпки женщины. По римско-католическому воззрѣнію, съ этимъ актомъ, который за вечернями страстной недѣли совершается великимъ пенитенціаріемъ поочередно во всѣхъ главныхъ римскихъ базиликахъ, соединяется дарованіе индульгенціи. Само собою разумѣется, что православному человѣку такой обычай представляется въ высшей степени страннымъ, да повидимому въ настоящее время и очень многіе изъ католиковъ цѣнятъ его не особенно высоко. Появленіе великаго пенитенціарія, не смотря на свою чрезвычайную рѣдкость въ долговременномъ періодѣ года, не только не производитъ усиленнаго стеченія народа, но даже и большинство присутствующихъ за службою не обращаютъ на него никакого вниманія и не считаютъ нужнымъ склонять свою голову подъ палочку кардинала. Я замѣтилъ по часамъ, что вся его дѣятельность продолжалась только двадцать пять минутъ. Когда притокъ вѣрующихъ прекратился, кардиналъ посидѣлъ еще минуты двѣ на своемъ тронѣ въ ожиданіи и затѣмъ, видя, что желающихъ больше не находится, сошелъ съ него и тотчасъ-же удалился изъ храма, очевидно не считая необходимымъ присутствовать при продолжавшемся богослуженіи. Сидѣвшіе подлѣ него клирики тѣмъ-же порядкомъ проводили его въ сакрестію и до выходныхъ дверей храма.—Между тѣмъ къ таинству покаянія католики Рима относятся съ замѣчательнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ. У многочисленныхъ повсюду виднѣющихся конфессіоналовъ, въ особенности на пасхальной недѣлѣ, постоянно можно видѣть многіе десятки исповѣдниковъ, ожидающихъ своей очереди, или уже колѣнопреклоненныхъ предъ окошечкомъ духовника. Какъ-то разъ въ одномъ изъ храмовъ я долго наблюдалъ надъ ходомъ исповѣди и, признаюсь, вынесъ изъ этого наблюденія самое хорошее впечатлѣніе. Съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ приступаютъ католики къ таинству! Ожидая своего череда, не зѣваютъ они тоскливо, не глазѣютъ по сторонамъ и не болтаютъ другъ съ другомъ о постороннихъ предметахъ, но, сидя на своихъ мѣстахъ, или стоя на колѣнахъ, недвижимо какъ статуи, сосредоточены въ размышленіи, или не отрываютъ глазъ отъ своихъ молитвенниковъ. Самая исповѣдь, очевидно, не имѣетъ у нихъ механическаго, формальнаго характера, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ ея продолжитель-

ность. Наблюдая одновременно за двумя конфессіоналами, я замѣтилъ по часамъ, что минимальное количество времени, употреблявшееся духовникомъ на исповѣдь было семь минутъ, среднее, т. е. наиболѣе употребительное,—отъ 12-ти до 16-ти минутъ, а максимальное достигло при мнѣ до 22-хъ минутъ. Принимая во вниманіе такую продолжительность исповѣди, а также и то обстоятельство, что очень многіе католики приступаютъ къ ней довольно часто, не трудно понять, почему въ западной церкви священники не рѣдко являются дѣйствительными руководителями совѣсти своихъ пасомыхъ.

Послѣ вечерни среды, а также по окончаніи дневныхъ и вечернихъ богослуженій четверга и пятницы, въ главныхъ базиликахъ Рима совершается еще одна интересная церемонія, а именно показываніе народу святыхъ мощей и священныхъ реликвій. Эти святыни въ обычное время хранятся, какъ извѣстно, въ такихъ помѣщеніяхъ, которыя недоступны для взора вѣрующихъ, и только въ очень немногіе особенные дни онѣ выносятся изъ своихъ хранилищъ и показываются народу, о чемъ публика, какъ и о всѣхъ вообще религіозныхъ церемоніяхъ, заранѣе извѣщается сообщеніями разныхъ печатныхъ изданій. Въ S. Pietro эта церемонія производится съ балкона Св. Вероники, устроеннаго на высотѣ одного изъ тѣхъ четырехъ главныхъ столбовъ, на которыхъ поставленъ куполъ храма, а въ базиликѣ S. Croce напр. съ подобнаго-же балкона на правомъ переднемъ столбѣ храма. Ко времени церемоніи эти балконы нѣсколько украшаются развѣшанными по ихъ барьеру пеленами или цвѣтнымъ сукномъ и зажженными свѣчами. По окончаніи богослуженія, народъ толпится къ балкону и, устремивъ на него свои взоры, при полномъ молчаніи ожидаетъ предполагаемого зрѣлища. На высотѣ балкона появляется одинъ изъ клириковъ и какою-то трещеткой нѣсколько секундъ производитъ рѣзкій деревянный звукъ какъ будто выбиваемой на барабанѣ дроби. Эта оригинальная и совсѣмъ не благозвучная музыка, очевидно, предназначена для того, чтобы предупредить зрителей о наступающемъ моментѣ и сосредоточить ихъ вниманіе въ должномъ направленіи. Затѣмъ тотъ же клирикъ громкимъ голосомъ провозглашаетъ наименованіе появляющейся святыни, какъ напр.: „тернъ изъ вѣнца Свя-

тѣйшаго Господа нашего Иисуса Христа“, или „часть честнаго древа святаго животворящаго креста Господня“, или гвоздь, нерукотворенный образъ и т. пд. Тотчасъ-же за этимъ провозглашеніемъ выступаетъ къ передней сторонѣ барьера священнослужитель въ полномъ облаченіи, высоко держа предъ собою въ обѣихъ рукахъ ковчегъ со святыней, и благословляетъ ею народъ. Затѣмъ онъ точно также подходитъ съ нею къ правой и лѣвой сторонѣ балкона и, благословивъ такимъ образомъ на три стороны, удаляется обратно. Минуту спустя снова гремитъ трещетка, снова раздается возгласъ клирика и снова появляется тотъ-же священнослужитель, держа въ рукахъ на этотъ разъ уже другую святыню. Такъ церемонія продолжается минутъ десять—пятнадцать, послѣ чего свѣчи на балконѣ гасятся и народъ расходится изъ храма. Само собою разумѣется, что при такомъ показываніи святынь народу разглядѣть въ нихъ что-либо нѣтъ ни малѣйшей возможности. При громадныхъ размѣрахъ базиликъ, балконы помѣщаются на весьма значительной высотѣ, такъ что увидѣть содержимое какого нибудь маленькаго ковчега, на такомъ большомъ разстояніи совершенно не мыслимо, тѣмъ болѣе что это содержимое отъ древности всегда потемнѣло и потому издали устремленному взору зрителя представляется только темнымъ пятномъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе любопытныхъ посѣтителей храмовъ запасаются на этотъ случай биноклями; но не думаю, чтобы этотъ инструментъ могъ оказать имъ большую помощь. Для болѣе близкаго ознакомленія со святынями существуетъ, какъ мы видѣли, другой простѣйшій и совершеннѣйшій способъ, такъ какъ, благодаря любезности клира, за одну или за двѣ лиры большинство святынь можно разсматривать въ самыхъ мѣстахъ ихъ храненія. Церемонія съ балкона совершается, на мой взглядъ, не для того, чтобы вѣрующіе могли видѣть и разсмотрѣть показываемыя имъ святыни, а для того, чтобы они благоговѣнно имъ поклонялись и тѣмъ возбуждали въ душѣ своей настроеніе, соответствующее великимъ днямъ воспоминанія страстей Христовыхъ.

За литургіей великаго четверга въ базиликѣ *S. Giovanni*, какъ кафедральномъ соборѣ папы, совершалось торжество освященія мѣра и елея. Въ передней капеллѣ Льва XIII-го на срединѣ хора поставленъ былъ большой столъ, накрытый

бѣлымъ полотномъ, а на немъ виднѣлись разныя принадлежности предстоящаго обряда, какъ-то: богослужебныя книги, большая золоченая чаша, нѣсколько меньшихъ сосудовъ, губка, зажженная свѣча и т. пд. Вокругъ стола стояли диваны, покрытые зеленымъ сукномъ, Около девяти часовъ, появилась обычнымъ порядкомъ процессія, въ составѣ которой шествовали, между прочими, двѣнадцать пресвитеревъ, семь діаконѣвъ и семь иподіаконѣвъ въ бѣлыхъ одеждахъ, а за ними трое служащихъ въ полномъ облаченіи и архіепископъ, также въ полномъ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ въ рукѣ. Двадцать шесть священнослужителей въ бѣлыхъ одеждахъ заняли мѣста на диванахъ кругомъ стола, а архіепископъ съ сослужащими прослѣдовали къ престолу, гдѣ началось совершеніе миссы. Послѣ освященія и возвышенія даровъ архіепископъ сошелъ со ступеней алтаря и занялъ мѣсто во главѣ того стола, кругомъ котораго возсѣдали двадцать шесть священнослужителей, а архидіаконъ провозгласилъ: „oleum infirmorum“, т. е. начинался обрядъ освященія елея, предназначаемаго для употребленія при таинствѣ елеосвященія. Одинъ иподіаконъ, въ сопровожденіи двухъ аколуюевъ, тотчасъ-же отправился въ сакрестію, принесъ оттуда большой сосудъ—кувшинъ, накрытый пеленою, и чрезъ архидіакона передалъ его архіепископу, который между тѣмъ вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ въ полномъ молчаніи ожидалъ принесенія сосуда. По прочтеніи архіепископомъ надъ елеемъ двухъ молитвъ заклинанія (exorcismus) и благословенія, сосудъ, подъ распущеннымъ надъ нимъ небольшимъ зонтомъ, тѣмъ-же порядкомъ унесенъ былъ въ сакрестію, а архіепископъ снова поднялся къ престолу, гдѣ сталъ приобщаться святыхъ Таинъ самъ и приобщать членовъ клира. Окончивъ совершеніе миссы, архіепископъ опять занялъ мѣсто во главѣ стола, при чемъ архидіаконъ провозгласилъ: „oleum ad sanctum chrisma, oleum catechumenorum“, т. е. начинался обрядъ освященія мвра и такъ называемаго елея оглашенныхъ. На этотъ разъ за сосудами въ сакрестію двинулась цѣлая процессія, архіепископъ-же, по прежнему, въ молчаніи оставался на своемъ мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ показалась изъ сакрестіи и двинулась вдоль храма возвращавшаяся процессія. Открывалъ ее клирикъ съ кадильницею, затѣмъ слѣдовалъ иподіаконъ съ предноснымъ

крестомъ, по бокамъ котораго два аколуга несли зажженные свѣчи, потомъ парами шли пѣвчіе, а за ними иподіаконъ несъ сосудъ съ бальзамомъ для мвѣра и два діакона—сосуды съ елеемъ и мвѣромъ, всѣ накрытые пеленами. Заключали процессію всѣ пресвитеры, діаконы и иподіаконы. Шествіе сопровождалось пѣніемъ гимна „O Redemptor“, при чемъ, исполняя по стиху, двое пѣвцовъ чередовались со всѣмъ хоромъ. Когда процессія приблизилась, священнослужители заняли свои мѣста у стола, а сосуды съ бальзамомъ и мвѣромъ архидіаконъ поставилъ предъ архіепископомъ. По произнесеніи нѣсколькихъ молитвъ, архіепископъ крестообразно дуетъ на сосудъ съ мвѣромъ, что вслѣдъ за нимъ дѣлають и двѣнадцать пресвитеровъ, подходя по очереди другъ за другомъ. Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько молитвъ и пѣснопѣній, во время которыхъ архіепископъ соединилъ бальзамъ съ мвѣромъ, троекратно привѣтствовалъ святыню громкимъ возглашеніемъ „Ave sanctum chrisma“, и, облобызавъ сосудъ, сѣлъ на свое мѣсто. По примѣру предстоятеля, тоже дѣлали двѣнадцать пресвитеровъ. Каждый изъ нихъ кланялся престолу, архіепископу, колѣнопреклонялся предъ сосудомъ съ мвѣромъ, трижды возглашалъ „Ave sanctum chrisma“, лобызалъ сосудъ и возвращался на свое мѣсто. Та-же самая церемонія совершена была потомъ и надъ сосудомъ съ елеемъ оглашенныхъ, т. е. произнесеніе нѣсколькихъ молитвъ, троекратное дуновеніе и привѣтствіе возглашеніемъ „Ave sanctum oleum“! и дѣлованіе сосуда архіепископомъ и пресвитерами. Затѣмъ сосуды съ мвѣромъ и елеемъ тѣмъ-же порядкомъ, т. е. процессіей и съ пѣніемъ, унесены были въ сакрестію, послѣ чего архіепископъ совершилъ отпустъ у престола и сѣвъ тамъ на свое кресло, произнесъ нѣсколько словъ назиданія пресвитерамъ, внушая имъ вѣрно хранить св. мвѣро и елей, употреблять ихъ согласно церковнымъ правиламъ и отнюдь не допускать суевѣрнаго ими пользованія.

Мисса великаго четверга въ римско-католической церкви имѣетъ еще ту исключительную особенность, что за нею готовится и освящается агнецъ для единственной въ году литургіи преждеосвященныхъ даровъ, совершаемой, по латинскому уставу, только въ великій пятокъ. Какъ во всѣхъ другихъ церквахъ, такъ, конечно, совершенно было такое

освященіе и въ базиликѣ S. Giovanni. Въ установленный моментъ литургіи священнодѣйствующимъ архіепископомъ освящены были два агнца, изъ коихъ одинъ долженъ былъ служить для приобщенія въ настоящій день, а другой поставленъ былъ особо въ чашѣ на срединѣ престола. По окончаніи всѣхъ, описанныхъ нами, церемоній, архіепископъ колѣнопреклонился предъ стоящею на престолѣ чашей съ освященнымъ агнцемъ, совершилъ кругомъ нея кажденіе и затѣмъ, принявъ ее изъ рукъ архидіакона, торжественною процессіей направился въ одну изъ боковыхъ капеллъ лѣвой стороны, заранѣе для этой цѣли украшенную и обильно освѣщенную множествомъ зажженныхъ свѣчъ. Надъ архіепископомъ раскинутъ былъ большой балдахинъ изъ серебряной парчи, обшитой золотымъ галуномъ и бахромою, а восемь палокъ этого балдахина несли старѣйшіе изъ членовъ клира. Самъ архіепископъ шествовалъ въ полномъ облаченіи и съ непокрытою главою, обѣими руками держа предъ собою святую чашу. Во все продолженіе процессіи, направившейся кругомъ храма, хоръ пѣвчихъ исполнялъ гимнь, а два аколута предваряли чашу кажденіемъ. По прибытіи къ престолу предназначенной капеллы, колѣнопреклоненный діаконъ принялъ чашу отъ архіепископа и поставилъ ее на престолѣ, а затѣмъ, послѣ совершеннаго архіепископомъ кажденія, убралъ въ особый ковчегъ, устроенный надъ престоломъ. Здѣсь святая чаша и должна была храниться до слѣдующаго утра, т. е. до того времени, когда начнется преждеосвященная литургія великаго пятка.

Вечеромъ великаго четверга на службу тенебръ и *miserere* я отправился въ S. Pietro, чтобы посмотрѣть на предполагающуюся тамъ церемонію омовенія главнаго, такъ называемаго „папскаго“ алтаря. За богослуженіемъ присутствовалъ на этотъ разъ знаменитый кардиналъ Рамполла, имя котораго имѣетъ всемірную извѣстность, такъ какъ онъ, въ качествѣ статсъ-секретаря Его Святѣйшества, является первымъ лицомъ послѣ папы и занимаетъ самый важнѣйшій и вліятельнѣйшій постъ въ священной коллегіи. — Когда замерли послѣдніе звуки великолѣпнаго *miserere* Мелюцци и гулко разнесся подъ сводами произведенный клиромъ шумъ, громада храма въ воцарившейся тишинѣ представляла собою величественно-печальный видъ. Стоялъ полумракъ, такъ

какъ время близилось уже къ восьми часамъ, а во всемъ, необъятномъ по размѣрамъ, святилищѣ тускло мерцалъ лишь десятокъ свѣчъ въ рукахъ клириковъ, длинною линіей протянувшихся отъ алтаря до входной двери въ значительномъ, конечно, разстояніи другъ отъ друга. Завѣсы, прикрывавшія картины и мозаики, громадными темными пятнами отовсюду смотрѣли со стѣнъ, а обнаженные къ этому времени престолы, лишенные своихъ обычныхъ блестящихъ покрововъ, выглядывали бѣдно и уныло. При такой обстановкѣ, весь присутствовавшій въ хорѣ клиръ, имѣя во главѣ своей нѣсколькихъ епископовъ и кардинала, процессіей двинулся къ папскому алтарю и тамъ расположился большимъ полукругомъ у его ступеней. Всѣ были безъ облаченій, одѣтые, поверхъ сутанъ, лишь въ свои бѣлыя кофточки или мѣховыя пелерины, кардиналъ-же былъ въ мантіи и красномъ беретѣ. Каждый изъ участниковъ процессіи, начиная съ кардинала и оканчивая послѣднимъ пѣвчимъ или мальчикомъ клира, высоко держалъ предъ собою въ правой рукѣ небольшую, пушистую, бѣлаго цвѣта метелку, совершенно такого-же вида, какъ дѣлаются у насъ изъ перьевъ для стиранія пыли. Шестеро священнослужителей въ епитрахильяхъ (*stola*) поднялись по ступенямъ и, выливъ на престолъ изъ небольшихъ позолоченныхъ кувшиновъ вино, стали своими метелками размазывать его по поверхности. Слѣдомъ за ними двинулись и всѣ участники процессіи, при чемъ каждый, по одиночкѣ, поднимался къ правому углу престола, проходилъ во всю длину его, проводя при этомъ своею метелкой по его поверхности, и у лѣваго угла снова спускался внизъ. Открылъ это длинное шествіе кардиналъ, съ необыкновенною важностію прослѣдовавшій мимо престола, едва коснувшись его своею метелкой. Окончивъ свое дѣло у папскаго алтаря, процессія направилась далѣе на средину храма и здѣсь остановилась. На балконѣ св. Вероники зажгли свѣчи и загремѣла грецетка; началось показываніе священныхъ реликвій, послѣ котораго процессія удалилась въ сакрестію.—Между тѣмъ у папскаго алтаря разыгралась сцена, показавшаяся мнѣ въ высшей степени странной и некрасивой. Нѣсколько какихъ-то сторожей въ засаленныхъ пиджакахъ и блузахъ нагрянули туда съ совками и тачками и самымъ безцере-

моннымъ образомъ начали хозяйничать на престолѣ, засыпая его поверхность кучами опилокъ, какъ будто какіе нибудь полотеры или поломойки распоряжаются на грязномъ полу квартиры. Не спору, что дѣятельность этихъ ревнителей чистоты и порядка полезна и даже, быть можетъ, необходима; но почему-же не предоставить ея осуществленіе тѣмъ-же священнослужителямъ и членамъ клира, которые совершали церковный обрядъ омовенія престола и которые могли - бы и довершить его въ обстановкѣ, приличествующей святости предмета. Или римско-католическіе клирики такого ужъ высокаго о себѣ мнѣнія, что имѣть дѣло съ опилками представляется имъ унизительнымъ для ихъ достоинства? А развѣ для достоинства алтаря Господня не оскорбительно, что заботы о немъ поручаются какимъ-то сторожамъ, т. е. людямъ непосвященнымъ и не имѣющимъ никакого отношенія къ служенію алтаря? Православному человѣку такое неуважительное отношеніе къ святынь представляется прямо возмутительнымъ; но мнѣ кажется, что даже и съ римско-католической точки зрѣнія нельзя не признать его нѣкоторою по меньшей мѣрѣ непослѣдовательностію. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны папскій престолъ такая недосягаемая святыня, что и священнодѣйствовать на немъ не имѣетъ права никто, кромѣ самаго папы; а обрядъ его омовенія обставляется внушительною церковною церемоніей съ участіемъ епископовъ и кардинала; съ другой-же стороны, этою-же самою святыней безцеремонно распоряжаются какіе-то сторожа. Да, наконецъ, если уже такое отношеніе къ престолу совсѣмъ не представляется католикамъ предосудительнымъ, то не лучше ли было-бы придать ему по крайней мѣрѣ такую форму, при которой оно не служило-бы соблазномъ для другихъ. Къ чему напр: этимъ сторожамъ такъ торопиться съ своими опилками и почему-бы имъ не переждать нѣсколько минутъ, пока народъ не разоидется изъ храма? Не на глазахъ у всѣхъ, пусть бы они тогда распоряжались какъ имъ угодно; никто-бы возмущаться не сталъ и впечатлѣніе довольно-торжественнаго церковнаго обряда не было-бы испорчено его некрасивымъ финаломъ.

Въ великій пятокъ „стояніе“ назначено было въ древней базиликѣ S. Croce, находящейся въ вѣдѣніи цистерціанскихъ

монаховъ. Богослуженіе началось обыкновенною процессіей изъ сакристїи къ главному алтарю, при чемъ во главѣ этой процессїи, въ сопровожденїи троихъ сослужащихъ священнослужителей, шествовалъ Премонстрантскій аббатъ Ванъ-денъ-Бруэль, обладающій, очевидно, особыми привилегіями, такъ какъ онъ былъ въ епископскомъ черномъ облаченіи и бѣлой полотняной митрѣ и священнодѣйствовалъ по епископскому чину. Мѣсто соборнаго клира, обычно украшающаго своимъ участіемъ процессїи въ главныхъ римскихъ базиликахъ, здѣсь занимали цистерціанскіе монахи въ своихъ красивыхъ, бѣлыхъ съ коричневымъ, одеждахъ. Въ начавшейся затѣмъ литургїи преждеосвященныхъ даровъ наиболѣе интересными показались мнѣ, прежде всего, семнадцать особо-установленныхъ молитвъ: за церковь, папу, іерархію и весь клиръ, за свѣтскую государственную власть, за оглашаемыхъ, за заблуждающихся, за болящихъ, голодающихъ, заключенныхъ, странниковъ, мореплавателей, за еретиковъ и схизматиковъ объ ихъ обращенїи, а также за іудеевъ и язычниковъ и т. д., а затѣмъ весьма оригинальное чтеніе евангелїа о страданїяхъ Христа Спасителя, (Passio). Выступили три діакона съ книгами въ рукахъ, и, получивъ благословеніе отъ предстоятеля, стали рядомъ внизу ступеней алтаря, противъ лѣваго угла престола, предъ тремя аналоями, поставленными такъ, что читающіе за ними обращены были лѣвымъ бокомъ къ алтарю, а лицомъ къ правой сторонѣ хора. Во все время евангельскаго чтенїя предстоятель, безъ митры и со сложенными руками, а также и сослужащіе ему стояли у престола, обратясь лицомъ къ читающимъ. Чтеніе было весьма продолжительно, такъ какъ, по римско-католическому обычаю, это было не столько чтеніе, сколько потное пѣніе съ разнообразными и иногда очень замысловатыми модуляціями. Всего любопытнѣе въ данномъ случаѣ было-то, что пѣвучее чтеніе имѣло драматическій характеръ. Одинъ изъ чтецовъ произносилъ собственно повѣствовательную часть евангельскаго сказанїя; другой — рѣчи разныхъ отдѣльныхъ лицъ, выводимыхъ въ евангельскомъ разсказѣ, напр.: апостола Петра и затѣмъ первосвященника и Пилата; третій—слова Самого Господа, а когда, по евангелїю, раздавались восклицанїя народной толпы, роль этой толпы исполнялась хоромъ пѣвцовъ. Такой способъ изложенїя евангель-

скаго повѣствованія производитъ на слушателя весьма сильное впечатлѣнiе, въ особенности-же тотъ моментъ, когда Пилатъ бесѣдуетъ съ народомъ и когда въ отвѣтъ ему раздаются рѣзкіе и ожесточенные возгласы хора: „распи, распни Его“! Нѣсколько пожалѣлъ я лишь о томъ, что распредѣленіе ролей было не совсѣмъ удачно. За Пилата напр: выступалъ обладатель хорошаго, звучнаго и пріятнаго тенора, тогда какъ произносившій слова Христа подъ - часъ довольно дико ревѣлъ какимъ-то хриплымъ, надтреснутымъ басомъ, гораздо болѣе приличнымъ Іудѣ или Каиафѣ. При распредѣленіи отдѣловъ чтенія руководились, повидимому, сравнительнымъ достоинствомъ діаконовъ по ихъ старшинству и заслугамъ, такъ какъ за Христа выступалъ почтенный старецъ, очевидно, первенствовавшій между чтецами, а Пилатомъ былъ самый младшій изъ нихъ. Конечно, если бы на первомъ планѣ стояла забота о впечатлѣнiи на слушателей, распорядиться слѣдовало-бы нѣсколько иначе.—За чтеніемъ евангелія послѣдовала церемонія выноса креста для поклоненія народу. Крестъ этотъ стоялъ дотолѣ не срединѣ престола, весь окутанный темно-красною пеленою. Одинъ изъ діаконовъ, взявъ съ мѣста крестъ, подаль его у правой стороны престола предстоятелю, который, медленно подвигаясь къ срединѣ алтаря, троекратно возгласилъ: „Ecce lignum Crucis, venite, adoremus“! при чемъ постепенно снималъ съ креста закрывавшій его покровъ, а отвѣтомъ на его возглашенія было пѣніе хора и общее поклоненіе. Спустившись отъ алтаря, предстоятель, съ непокрытой головой и безъ сандалій, при содѣйствіи одного лишь церемоніймейстера, тогда какъ всѣ другіе сослужащіе оставались у престола, вынесъ крестъ къ ступенямъ, отдѣлявшимъ хоръ отъ остальнаго пространства храма, и положилъ его на полу, на приготовленной здѣсь подушкѣ. Послѣ этого, онъ, совершивъ предъ крестомъ троекратное колѣнопреклоненіе, приложился къ нему, положилъ на стоящую тутъ-же тарелку пакетъ съ деньгами, возвратился къ престолу и, надѣвъ митру, сѣлъ на свое кресло, гдѣ и оставался во все продолженіе времени, пока весь клиръ, монахи и народъ, по его примѣру, колѣнопреклонялись и прикладывались ко кресту. Общее поклоненіе совершалось подъ неумолкаемое пѣніе хора, при чемъ, между прочимъ, исполнено было „Трисвятое“ на ла-

тинскомъ и на греческомъ языкѣ, а по окончаніи церемоніи крестъ взять былъ съ подушки діакономъ, и поставленъ снова на престолъ.—Затѣмъ двинулась процессія въ боковую капеллу, гдѣ хранилась чаша съ преждеосвященными дарами, для перенесенія ихъ на главный престолъ. Предшествуемый хоромъ поющихъ, восемью зажженными свѣчами, всѣми монахами и сослужащими и двумя аколугами съ кадильницами, неся въ рукахъ святую чашу, аббатъ, подъ балдахиномъ, возвратился къ главному престолу, молчаливымъ приобщеніемъ заключилъ здѣсь совершеніе преждеосвященной литургіи и обычною процессіей удалился въ сакристію. Дневная служба великаго пятка завершилась показываніемъ съ балкона священныхъ реликвій, которое, подъ обычный аккомпаниментъ трещетки, производилъ на этотъ разъ тотъ же предстоятельствовавшій аббатъ въ полномъ своемъ облаченіи и митрѣ.

День этотъ до такой степени наполненъ разными службами и церемоніями, что почти все время его пришлось провести въ храмахъ. Преждеосвященная литургія въ базиликѣ S Croce съ выносомъ креста, торжественнымъ перенесеніемъ святыхъ даровъ и показываніемъ священныхъ реликвій окончилась лишь въ первомъ часу, а въ часъ пополудни во многихъ церквахъ Рима началось совершеніе особой службы этого дня (*Tre ore d'agonia*), посвященной благоговѣйному воспоминанію тѣхъ часовъ, которые проведены были Божественнымъ Страдальцемъ на крестѣ. Служба эта, соотвѣтственно своему названію, раздѣляется на три части, при чемъ окончаніе каждой изъ нихъ отмѣчается ударами колокола внутри самаго храма; а состоитъ каждая часть богослуженія изъ хорового и всенароднаго пѣнія и проповѣди. Я успѣлъ побывать за этою службой только въ двухъ храмахъ: San Silvestro in Capite и San Diacomo на Корсо. Первая изъ этихъ церквей принадлежитъ англійскимъ католикамъ, что ясно выражается какъ въ обстановкѣ храма, такъ и въ общемъ тонѣ его служащихъ и молящихся. Солидное богатство украшеній, великолѣпные привратники, даже съ какимъ-то особеннымъ величіемъ осуществляющіе свои, со всѣмъ не великія, обязанности, превосходное исполненіе произведеній Соріано и Палестрины и, наконецъ, разфранченая, степенная и даже нѣсколько чопорная публика.

Самъ проповѣдникъ, пользующійся здѣсь большою извѣстностью Джонъ Воганъ, показался мнѣ въ высшей степени типичнымъ. Его краткія поученія были сильны и глубоки по мысли, его рѣчь лилась свободно и плавно красивыми, изящными, ласкающими слухъ фразами; но несмотря на все потрясающее величіе предмета, слишкомъ мало было здѣсь чувства, а въ манерѣ говорить и въ звукахъ пріятнаго голоса невольнo ощущалась какая то сухость и искусственность. Сидѣвшій во время службы на лѣвой сторонѣ хора проповѣдникъ, каждый разъ когда приходила ему пора говорить, плавно поднимался съ своего мѣста, сложивъ руки и потупивъ голову, медленно выступалъ на нѣсколько шаговъ впередъ, эффектно влача за собою длинный шлейфъ своей богатой шелковой мантии, и мѣрнымъ потокомъ лилась его рѣчь, сопровождаемая то воздѣяніемъ рукъ, то ударами въ грудь, то поднятіемъ вверхъ очей, то возвышеніемъ или пониженіемъ и замираніемъ голоса; но отъ всѣхъ этихъ жестовъ и интонацій вѣяло какимъ-то холодомъ и казались онѣ дѣланными и заученными. Прослушавъ двѣ рѣчи достопочтеннаго оратора, предъ наступленіемъ третьей можно было, мнѣ кажется, заранѣе сказать, какъ онъ поднимется съ своего мѣста, сколько сдѣлаетъ шаговъ впередъ, гдѣ остановится, какіе жесты станетъ дѣлать рукою, когда начнетъ возвышать голосъ, воздѣвать очи къ небу и ударять себя въ грудь. До такой степени все это, повидимому столь разнообразное, было въ сущности монотоннымъ. Конечно, въ итогѣ отъ такихъ рѣчей и впечатлѣніе получалось соотвѣтствующее. Совсѣмъ иного характера проповѣдь пришлось мнѣ слышать какъ-то въ храмѣ S. Carlo на Корсо и невольнo напрашивавшееся сравненіе въ высшей степени наглядно показало мнѣ, какая громадная разность темперамента существуетъ между представителями спокойнаго, холоднаго сѣвера и страстнаго, пламеннаго юга. При биткомъ набитомъ слушателями храмѣ, тамъ ораторствовалъ также одинъ изъ извѣстнѣйшихъ итальянскихъ проповѣдниковъ, капуцинскій монахъ Томазо, при чемъ, къ сожалѣнію, мнѣ удалось попасть лишь къ концу его проповѣди. Насколько я могъ понять его быструю итальянскую рѣчь, ораторъ въ яркихъ картинахъ рисовалъ предъ своими слушателями весь ужасъ жалкой смерти тяжкаго, нераскаян-

наго грѣшника и ожидающихъ его загробныхъ мученій. Весь какъ-то то изгибаясь, то выпрямляясь, метался онъ изъ стороны въ сторону по своей каедрѣ, лихорадочно - пылающимъ взоромъ то скользиль кругомъ, то вливался куда - то вдаль, указывая нервно-дрожащею рукою, какъ будто именно тамъ, въ этомъ полутемномъ углу храма, и сейчасъ видятся ему тѣ самые ужасы, о которыхъ онъ повѣствуетъ. А рѣчь его, между тѣмъ, не лилась плавнымъ потокомъ, но бурлила и скакала съ мысли на мысль какимъ-то бѣшеннымъ каскадомъ и громовыми раскатами какъ-бы хотѣла потрясти самые своды храма. Яркимъ, бурнымъ пламенемъ пылалъ этотъ проповѣдникъ, да вполне подъ стать ему были и его слушатели: неподвижно устремивъ на него свои горячіе взоры, они ловили каждое слово, а когда онъ окончилъ, разразились шумнымъ взрывомъ рукоплесканій, хотя слышались при этомъ и свистки и шиканье. Пылая натура итальянца не считаетъ нужнымъ сдерживать проявленія своихъ чувствъ даже и въ священной обстановкѣ храма. Что именно въ данномъ случаѣ послужило для публики поводомъ къ обнаруженію противоположныхъ настроеній, — я не знаю; но вообще этотъ монахъ — ораторъ весьма нерѣдко позволялъ себѣ рѣзко касаться боевыхъ вопросовъ политики, такъ что ему на нѣкоторое время въ Римѣ даже запрещено было проповѣдывать, что конечно, еще болѣе усиляло его популярность.

Вскорѣ по окончаніи службы „Tre ore“ уже нужно было спѣшить къ тенебрамъ въ базилику S. Croce, гдѣ богослуженіе на этотъ разъ должно было представлять нѣкоторыя интересныя особенности, а именно: за тенебрами великаго пятка здѣсь обыкновенно доселѣ присутствовала королева Маргарита, супруга Гумберта, а послѣ тенебръ ежегодно совершается такъ называемая „покаянная процессія“. Въ виду этого къ четыремъ часамъ пополудни древняя базилика была уже довольно густо наполнена народомъ, а по дорогѣ къ ней и при входѣ выстроились конные жандармы, полицейскіе служители и разныя должностныя лица для встрѣчи государыни. Королева Маргарита, въ сопровожденіи всей матери, герцогини Генуэзской, по обычаю, уже посѣтила въ этотъ день нѣсколько римскихъ храмовъ для поклоненія святынямъ, а къ тенебрамъ явилась сюда и торжественно встрѣчена была при входѣ въ храмъ настоятелемъ его, абба-

томъ Фауки, и двумя представителями тѣхъ религиозныхъ ассоціацій, которыя руководятъ устройствомъ покаянной процессіи. Весьма любимая своимъ народомъ, королева, теперь уже вдовствующая, не блещетъ красотою и можетъ обратить на себя особенное вниманіе лишь ярко рыжими цвѣтомъ своихъ пышныхъ волосъ, хотя, говорятъ, онъ не составляетъ ихъ естественную принадлежность. Сѣдая герцогиня Генуэзская показала мнѣ красивѣе и величественнѣе своей дочери, не смотря на свои, уже довольно преклонные годы. Привѣтливо кланяясь на обѣ стороны, королева прослѣдовала чрезъ весь храмъ по приготовленному для нея въ народѣ проходу и заняла мѣсто на право впереди, гдѣ и оставалась до конца службы. Одѣты обѣ царственные особы были, конечно, во всемъ черномъ, какъ приличествовало великому дню.

Самая служба не представляла ничего особеннаго, но при ея окончаніи интересно было взглянуть на „покаянную процессію“, которая торжественно двинулась изъ передней части храма. Во главѣ этой процессіи, вслѣдъ за открывавшими ее привратниками въ бѣлыхъ съ голубою отдѣлкой кафтанамъ и съ жезлами, несли большой крестъ, а равно и заключалась процессія другимъ такимъ-же крестомъ. Участниками церемоніи были, кромѣ хора пѣвчихъ и монаховъ, до шестидесяти человѣкъ мужчинъ и до двадцати женщинъ. Одѣтые во все черное, съ висящими на груди крестами и съ зажженными свѣчами въ рукахъ, медленно шествовали они парами къ лѣвой входной двери храма, вышли въ портикъ и затѣмъ, вступивъ снова въ храмъ чрезъ среднюю входную дверь, направились къ главному алтарю. Шествіе все время сопровождалось пѣніемъ славословія кресту, при чемъ пѣвчіе чередовались съ народомъ. Участниками церемоніи были представители разныхъ религиозныхъ ассоціацій и братствъ, какъ напр: ассоціаціи Св. Креста, братства Св. Маріи, Мальтійскаго ордена и др. Все это были члены лучшихъ фамилій римской аристократіи: передній крестъ несъ напр. князь Маркъ-Антоніо Колонна, а сопровождали его въ качествѣ ассистентовъ графъ Сантуки и маркизъ Леццани. При возвращеніи процессіи, распорядившійся богослуженіемъ о. Торрьери, ставъ на возвышеніи предъ престоломъ, произнесъ краткое слово, въ которомъ, съ блестя-

щими приѣмами одушевленнаго итальянскаго краснорѣчія, проводилъ параллель между священными для христіанъ городами Іерусалимомъ и Римомъ по ихъ міровому значенію. Вечернее богослуженіе заключилось церемоніей показыванія съ балкона священныхъ реликвій, которую совершалъ на этотъ разъ аббатъ Тинти, генераль-президентъ Цистерціанскаго ордена.

Въ промежуткахъ между богослуженіями великаго пятка интересно было побывать въ возможно большемъ количествѣ римскихъ храмовъ, чтобы взглянуть на такъ называемые „сепулькры“, обстановка и значеніе которыхъ представляютъ нѣкоторую параллель нашимъ плащаницамъ. Обыкновенно избирается для этой цѣли одна изъ придѣльныхъ капеллъ задней части храма въ близкомъ разстояніи отъ входа. Предъ алтаремъ этой капеллы выгораживается полукругомъ небольшое пространство пола, которое, вмѣстѣ съ самою капеллой, украшается съ возможно большею роскошью и изяществомъ живыми или искусственными цвѣтами, множествомъ зажженныхъ свѣчъ, разноцвѣтными фонариками, или даже электрическими лампочками. Причты и прихожане церквей какъ будто стараются превзойти другъ друга изобрѣтательностію, богатствомъ и разнообразіемъ украшеній своихъ сепулькровъ, а потому обыкновенно этотъ уголокъ храма, декорированный роскошною зеленью, благоухающій ароматомъ массы цвѣтовъ и сіяющій разноцвѣтными огнями, представляетъ собою въ высшей степени красивое, волшебное зрѣлище. Центромъ сепулькра служитъ положенный на полу большой крестъ, который или весь сдѣланъ изъ цвѣтовъ и огней, или есть не что иное, какъ живописное на дровѣ изображеніе распятаго Спасителя, лишь украшенное кругомъ огнями и гирляндами цвѣтовъ. Въ нѣкоторыхъ церквяхъ, кромѣ креста, я видѣлъ еще изображеніе лежащаго во гробѣ Господа, вполне напоминающее нашу плащаницу. Изображеніе это, также украшенное, поставлено было у лицевой стороны того престола, предъ которымъ устроенъ сепулькръ. Подобно плащаницамъ, сепулькры служатъ предметомъ благоговѣйнаго поклоненія, такъ что во все продолженіе дня можно видѣть подлѣ нихъ колѣнопреклоненныя фигуры вѣрующихъ, склонившихъ головы въ тихой молитвѣ.

Литургія великой субботы представляла для меня особенный интересъ главнымъ образомъ потому, что въ этотъ день въ базиликѣ S. Giovanni, какъ кафедральномъ соборѣ епископа римскаго, должны были совершаться рукоположенія въ разныя священныя степени. По установившемся порядку, исполненіе высокыхъ обязанностей рукоположателя обыкновенно возлагается на папскаго кардиналь-викарія, который вообще является замѣстителемъ папы по епархіальнымъ дѣламъ римскаго діоцеза. Въ данномъ случаѣ однако обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Постъ кардиналь-викарія занималъ въ послѣднее время престарѣлый Парокки, одинъ изъ тѣхъ, уже весьма немногихъ, князей церкви, которые въ февраль 1878-го года принимали участіе въ конклавѣ и возвели на папскій престолъ Льва XIII-го. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1900-го года этотъ старецъ заболѣлъ и вскорѣ скончался, а назначенный ему преемникомъ кардиналь Респиги, архіепископъ Феррарскій, 14-го апрѣля, т. е. въ самый день великой субботы только еще выѣзжалъ, какъ сообщали газеты, изъ Феррары къ мѣсту своего новаго служенія. Такимъ образомъ ко времени рукоположенія обычнаго ихъ совершителя не было, а потому замѣстителемъ его явился уже знакомый намъ папскій вице-герентъ, архіепископъ Чеппетелли.—Предъ началомъ литургіи, послѣ часовъ, многочисленная процессія, съ архіепископомъ во главѣ, вышла съ антифоннымъ пѣніемъ въ портикъ храма для освященія заранѣе приготовленнаго тамъ въ жаровнѣ новаго огня, отъ котораго затѣмъ діаконы зажгли еиміамъ кадильницъ и особымъ трехсвѣчникомъ передали огонь на всѣ свѣчи храма, дотолѣ оставшіяся незажженными. По возвращеніи архіепископа къ престолу служба продолжалась чтеніемъ двѣнадцати паримій, изъ которыхъ послѣдняя какъ и у насъ за литургіей великой субботы, повѣствуетъ о чудесномъ спасеніи трехъ отроковъ въ разжженной Навуходоносоромъ печи. Затѣмъ процессія въ томъ-же составѣ шествуетъ вторично,—на этотъ разъ въ особое круглой формы зданіе древней крещальни, находящееся подлѣ латеранскаго собора и соединенное съ нимъ крытымъ переходомъ. Здѣсь совершенъ былъ чинъ освященія воды, предназначенной для таинства крещенія, при чемъ самое освященіе совершалось чтеніемъ молитвъ, троекратнымъ благо-

словеніемъ и дуновеніемъ на воду архіепископа и вливаніемъ въ нее св. елея и мѹра.—Чтобы не потерять своихъ мѣстъ вблизи алтаря, мы не сопровождали этихъ процессій, тѣмъ болѣе что совершавшіеся во время ихъ обряды не представляли ничего особеннаго.—Шествуя обратно изъ крещальни, процессія на нѣкоторое время пріостановилась посреди храма, чтобы присутствовать при церемоніи показыванія народу священныхъ реликвій, послѣ чего уже возвратилась къ алтарю. Здѣсь начиналось теперь совершеніе торжественной миссы, для которой прежде всего, при зажженныхъ на престолѣ свѣчахъ и пѣніи хора, послѣдовало общее передѣваніе всѣхъ служащихъ въ бѣлыя глазетовыя облаченія. Архіепископа на его обычномъ мѣстѣ у праваго угла престола переоблачали два діакона подъ руководствомъ распоряжавшагося богослуженіемъ, а остальные служащіе облачались у скамьи, поставленной для нихъ на той-же сторонѣ при подножїи алтарнаго возвышенія. Послѣ кажденія алтаря и протяжнаго пѣнія „*Kyrie eleison*“ начался длинный рядъ посвященій и рукоположеній въ разныя церковныя степени, который прерывался лишь нѣсколькими молитвами и пѣснопѣніями, составлявшими продолженіе литургїи. Священнодѣйствовали при этомъ архіепископъ, обратясь лицомъ къ народу и сидя въ особомъ креслѣ, поставленномъ на срединѣ алтарныхъ ступеней. Каждый разъ, когда начинался чинъ того или другаго посвященія, архіепископъ занималъ мѣсто на этомъ среднемъ сѣдалищѣ, а когда продолжалось совершеніе миссы,—переходилъ опять къ другому, обычному архіерейскому креслу у праваго угла престола. Рукополагаемыхъ на этотъ разъ было очень большое количество: я насчиталъ ихъ всего девяносто два человекъ. На нашъ православный взглядъ, такая цифра представляется совершенно необычною, такъ какъ у насъ за одною литургїей допускается поставленіе лишь по одному кандидату на ту или другую изъ высшихъ священныхъ степеней. Что касается римско-католической церкви, то она никакихъ количественныхъ ограниченій въ этомъ случаѣ не дѣлаетъ и, кромѣ того, держится обычая, при которомъ подобныя ограниченія совершенно невозможны. По принятому въ ней порядку, для поставленія во всѣ, какъ низшія такъ и высшія степени церковнаго служенія, кромѣ епископской, назначено

только шесть дней въ году ¹⁾, а потому само собою разумеется, что къ этимъ немногимъ срокамъ въ каждой епархіи по необходимости скопляется весьма значительное количество кандидатовъ, а это обстоятельство оказываетъ, въ свою очередь, не малое вліяніе на самое совершеніе обряда, съ одной стороны сообщая ему большую торжественность, съ другой-же нѣсколько уменьшая его отчетливость и точность. Священнодѣйствіе получаетъ, конечно, очень внушительный видъ, когда нѣсколько десятковъ лицъ, приступающихъ къ принятію рукоположенія, одновременно, стройными линиями, то полукругомъ, то колоннами, располагаются у престола, то преклоняя колѣна, то простираясь ницъ, то поднимаясь и садясь на своихъ мѣстахъ; но съ другой стороны, при ихъ многочисленности, священнодѣйствіе это было бы слишкомъ продолжительнымъ и утомительнымъ, если бы всѣ его подробности на каждомъ изъ поставляемыхъ исполнялись не торопливо и съ полною отчетливостію. Отсюда мы видимъ напр. что признается болѣе удобнымъ, чтобы поставляемые приступали къ своему рукополагателю не по одиночкѣ, а по три человѣка за разъ, при чемъ рука архипастыря бѣгло проходитъ по ихъ главамъ, вручаемой имъ чаши они всѣ трое прикасаются одновременно и самыя совершительныя слова таинства произносятся не надъ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, а надъ нѣсколькими вмѣстѣ.

Во все время субботняго богослуженія клиръ латеранскаго собора занималъ только лѣвую сторону хора, всѣ же мѣста правой стороны были предоставлены новопоставляемымъ, одѣтымъ въ бѣлыя тюники (alba), при чемъ предъ тѣми изъ нихъ, которые готовились къ принятію высшихъ священныхъ степеней, лежало на пюпитрахъ предназначавшееся для нихъ бѣлое облаченіе. Когда начинался чинъ рукоположенія въ ту или другую степень, каждый рукополагаемый подходилъ къ архіерею, неся свое облаченіе перекинутымъ чрезъ лѣвую руку. Въ длинномъ сплошномъ ряду бѣлыхъ тюникъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялись лишь двѣ темныхъ фигуры молодыхъ капуциновъ въ ихъ обычномъ

¹⁾ Субботы въ каждую изъ четвертей года (quatuor tempora), суббота предъ пятою недѣлей великаго поста и суббота великая.

монашескомъ одѣяніи. Эти молодые люди еще совсѣмъ не принадлежали къ составу клира и только готовились вступить въ него принятіемъ тонзуры. Съ нихъ именно и начался рядъ посвященій, восходя отъ низшихъ степеней церковнаго служенія (*ordines minores*) къ высшимъ (*ordines majores*). Одинъ изъ священнослужителей по имѣющемуся у него списку провозгласилъ имена тѣхъ кандидатовъ, которые должны приступить къ постриженію; „*adsum*“—отвѣчалъ на это каждый изъ капуциновъ, и оба они, выйдя со своихъ мѣстъ на средину, преклонили колѣна предъ сидѣвшимъ на своемъ мѣстѣ архіепископомъ. Самый обрядъ состоялъ изъ нѣсколькихъ молитвъ, при чемъ архіерей, снявъ на это время свои перчатки, совершилъ на склоненныхъ предъ нимъ главахъ крестообразное постриженіе власовъ, затѣмъ благословилъ ихъ, послѣ чего прислуживавшіе архіепископу клирики облекли новопоставленныхъ въ тѣ бѣлыя кофточки (*superpellicea*), которыя составляютъ общую обычную церковную одежду всѣхъ членовъ клира.—Послѣ нѣкотораго перерыва, когда предъ пѣніемъ „*Agnus Dei*“ заигралъ органъ и зазвонили колокола какъ внутри, такъ и внѣ храма, полагая такимъ образомъ предѣль своему двухдневному молчанію, рядъ посвященій продолжался по тому-же общему порядку. Сперва выкликались имена поставляемыхъ въ ту или другую степень, затѣмъ эти поставляемые, отвѣтивъ „*adsum*“ на призывъ, выходили и колѣнопреклонялись предъ архіепископомъ, который читалъ надъ ними молитвы, благословлялъ ихъ и вручалъ имъ какой-либо символъ, или орудіе (*instrumentum*) ихъ служенія, а именно: привратнику (*ostiarium*)—церковный ключъ, чтецу и заклинателю (*exorcista*)—книгу, аколиту—подсвѣчникъ и кувшинъ, иподіакону и діакону — книгу Апостола или Евангелія, пресвитеру чашу и дискось съ веществомъ для евхаристіи.—Поставляемыхъ въ низшія церковныя степени было на этотъ разъ немного и на призывъ откликались то шесть, то четыре человѣка; но когда дошла очередь до посвященія въ иподіаконскій санъ, сразу вышло на средину двадцать три человѣка, кандидатовъ въ діаконы оказалось сорокъ два, а въ пресвитеры—пятнадцать. Поставляемые въ иподіаконскій санъ послѣ переключки вышли со своихъ мѣстъ и длинною колонной, по три человѣка въ рядъ, стали на колѣна противъ лѣваго

угла престола. Чинъ ихъ посвященія состоялъ въ томъ, что архіепископъ, то въ митрѣ то безъ митры, произносилъ надъ ними молитвы, нѣсколько разъ благословлялъ ихъ и, наконецъ, возложилъ на нихъ стихари, произнося при этомъ установленную формулу посвященія и троекратно знаменуя поставляемыхъ крестнымъ знаменіемъ. При совершеніи всѣхъ этихъ дѣйствій поставляемые нѣсколько разъ то подходили къ архіепископу, то снова, выстроившись колонною, становились на колѣна. Тотъ-же общій видъ представлялъ собою и чинъ посвященія въ санъ діакофа, при чемъ замѣтныя отличія его состояли только въ томъ, что архіепископъ возлагалъ руку на главу посвящаемыхъ, произносилъ молитву съ распростертою надъ ними дланію, поверхъ стихаря возлагалъ на посвящаемыхъ орарь (stola) и, наконецъ, вручалъ имъ, т. е. давалъ каждому изъ нихъ прикоснуться къ книгѣ св. Евангелія, съ произнесеніемъ при этомъ установленной формулы. Интересно было замѣтить, что во все время посвященія иподіаконовъ и діаконовъ архіепископъ не снималъ своихъ бѣлыхъ перчатокъ, совершая такимъ образомъ и благословенія и руковозложеніе.—Гораздо большею сложностію отличается римско-католическій чинъ посвященія въ санъ пресвитера. Кромѣ колѣнопреклоненій, молитвъ и благословеній, въ этомъ чинѣ можно было замѣтить еще цѣлый рядъ такихъ обрядовыхъ особенностей, которыя составляютъ его исключительную принадлежность. Прежде всего, въ этомъ священнодѣйствіи принимаютъ дѣятельное участіе всѣ присутствующіе пресвитеры, а потому предъ его началомъ, всѣ сидѣвшіе на лѣвыхъ скамьяхъ хора, пресвитеры латеранскаго соборнаго клира облачились въ свои бѣлыя кофточки. При самомъ началѣ обряда архіепископъ, не снимая перчатокъ, возложилъ обѣ руки на главу каждого изъ посвящаемыхъ и затѣмъ, стоя у престола, держалъ правую руку простертою впередъ надъ колѣнопреклоненными предъ нимъ кандидатами священства. Въ это время всѣ пресвитеры двинулись со своихъ мѣстъ и каждый изъ нихъ, идя поочередно другъ за другомъ, возлагалъ руки на главы колѣнопреклоненныхъ, послѣ чего, продолжая держать правую руку простертою, возвращался на свое мѣсто. Все это совершалось въ полномъ молчаніи; а когда всѣ руковозложенія окончились и пресвитеры, при пѣніи хора, снова за-

няли свои мѣста, архіепископъ произнесъ молитву. При облаченіи новопоставляемыхъ въ пресвитерскія одежды, фелонь, была надѣта на нихъ такъ, что только передняя часть ея свободно спускалась до низу, задняя же лежала собранною на шеѣ и въ такомъ видѣ оставалась до послѣднихъ моментовъ литургіи. Затѣмъ архіепископъ, облачившись въ фартухъ и снявъ перчатки, помазалъ ладони рукъ посвящаемыхъ св. елеемъ, послѣ чего прислуживавшіе клирики, соединивъ у cadaго помазаннаго руки ладонями вмѣстѣ, связали ихъ бѣлыми платками. Съ связанными такимъ образомъ руками посвящаемые подходили къ архіепископу, который давалъ имъ прикоснуться къ чашѣ съ приготовленными дарами, произнося при этомъ установленную формулу. Затѣмъ онъ же развязывалъ имъ руки, послѣ чего посвящаемые, совершивъ омовеніе у приготовленнаго на лѣвой сторонѣ хора умывальника, заняли мѣста на скамьяхъ поставленныхъ на срединѣ противъ престола. Подлѣ cadaго изъ посвящаемыхъ помѣстился клирикъ, который долженъ былъ руководить своего кліента при дальнѣйшемъ совершеніи священнодѣйствія. Началось чтеніе евангелія а потомъ обычнымъ порядкомъ продолжалась торжественная мисса, въ совершеніи которой новые пресвитеры, оставаясь на своихъ мѣстахъ, принимали дѣятельное участіе, повторяя тихо или въ полголоса всѣ молитвы и возгласы священнодѣйствующаго. Причастившись самъ, архіепископъ причастилъ затѣмъ новыхъ пресвитеровъ, которые при этомъ цѣловали сперва перстень на рукѣ его и потомъ принимали гостію прямо въ уста. Вслѣдъ за пресвитерами совершенно было приобщеніе и всѣхъ новопоставленныхъ въ разныя степени. Послѣднимъ моментомъ въ чинѣ пресвитерскаго посвященія было вторичное возложеніе рукъ архіепископа, на этотъ разъ уже безъ перчатокъ. При этомъ новомъ руковожденіи архіепископъ произносилъ извѣстную формулу: „accipe Spiritum Sanctum“, раздвигалъ фелонь на спинѣ пресвитера и давалъ ему братское лобзаніе.— На отпустѣ литургіи архіепископъ преподавалъ на три стороны общее благословеніе съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, послѣ чего процессія всего клира въ полномъ молчаніи и сопровождаемая лишь торжественными аккордами органа длиною лентой потянулась въ сакристію.

Послѣ столькихъ величественныхъ богослуженій и церемоній латинской „святой“, недѣли, православный человѣкъ, занесенный судьбою въ Римъ, естественно ожидаетъ, что и свѣтлый день Христова воскресенія, какъ „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“ безъ сомнѣнія ознаменовывается здѣсь какими-либо особенно выдающимися церковными торжествами. Однако въ этомъ ожиданіи ему приходится испытать полное разочарованіе. Ничего подобнаго нашей несравненной пасхальной утрени здѣсь нѣтъ да въ сущности и быть не можетъ. Мы, православные, въ совсѣмъ не обычное время собираемся въ храмъ Божій, ожидая наступленія великаго дня; какъ-то особенно замираетъ у насъ сердце, когда прозвучитъ первый ударъ колокола, когда среди ночнаго мрака блестящею полосой двинется шествіе святыхъ хоругвей и иконъ, освѣщаемое сотнями и тысячами мелькающихъ огоньковъ, и раздастся наконецъ великая, радостная вѣсть: „Христосъ воскресъ!“ Необычный часъ богослуженія, его особенно—торжественная обстановка, ликующій напѣвъ неумолкаемыхъ пѣснопѣній, оживленныя привѣтствія другъ друга братскимъ лобзаніемъ, — все это производитъ такой высокой подъемъ духа, что свѣтлый день Пасхи рѣзко выдѣляется изъ ряда всѣхъ другихъ православныхъ праздниковъ и ждемъ мы и встрѣчаемъ этотъ знаменательный полночный часъ съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ возбужденіемъ. Въ римско-католическомъ пасхальномъ богослуженіи такого выдающагося торжественнаго момента нѣтъ, а потому и напряженно ожидать и радостно встрѣчать ничего не приходится. Римскіе католики уже субботу считаютъ днемъ пасхальнымъ; ихъ праздникъ, собственно говоря, начинается на субботней литургіи, когда играетъ органъ и звонятъ колокола, а потому понятно, что послѣ этого для какого-либо особеннаго ночнаго богослуженія не остается мѣста. Такого богослуженія и не бываетъ, а въ свѣтлый день совершается лишь обычная торжественная мисса, какъ и во всякій другой праздничный день года. Церковное воззрѣніе отражается и въ общественной жизни. Суббота здѣсь совсѣмъ уже день праздничный: улицы переполнены гуляющей толпой, костюмы пестрятъ и блещутъ яркими цвѣтами, а вечеромъ эта нарядная, жаждущая зрѣлищъ, толпа шумно устремляется въ мѣста общественныхъ

увеселеній, двери которыхъ теперь для нея широко открыты. Въ римскіе театры, закрывающіеся на послѣдніе дни страстной недѣли, въ вечеръ субботы снова открыли свою дѣятельность. Оперные театры Costanzi и Politeama Adriano приглашали на Травиату и Динору; въ театръ Manzoni объявлялась драма „Quo vadis“; Nazionale и Metastasio прельщали оперетками, а вслѣдъ за ними любезно зазывали къ себѣ публику и кафе-шантаны Olympia и Variétés. Даже священный коллизей въ этотъ веселый для Рима вечеръ не остался въ своемъ обычномъ мракѣ и безмолвіи, — съ девяти часовъ вечера онъ засвѣтился блестящей иллюминаціей и бенгальскими огнями, а внутри его печальныхъ развалинъ, оглашавшихся нѣкогда ревомъ дикихъ звѣрей и стонами мучениковъ, на аренѣ, когда-то окровавленной за вѣру Христову, помѣстился оркестръ какого-то профессора Тарталья и стали разноситься веселенькіе звуки пятидесяти мандолинъ, мандоль и гитаръ. Такимъ образомъ въ ту великую ночь, когда православный стремится въ Божій храмъ и тамъ въ священномъ порывѣ возбужденнаго религіознаго чувства съ замираніемъ сердца встрѣчаетъ первую вѣсть о воскресеніи, римскій католикъ спитъ, или проводитъ время въ веселой компаніи, апплодируетъ въ театрѣ, или услаждается какою нибудь шансонеткой. *Suum cuique*; но я ему въ этомъ случаѣ нисколько не завидую.

Въ самый день свѣтлаго праздника наиболѣе торжественная служба, судя по объявленіямъ, предполагалась въ храмѣ Св. Петра, гдѣ долженъ былъ священнодѣйствовать кардиналъ Рамполла. По нѣкоторымъ, независѣвшимъ отъ насъ, обстоятельствамъ мы не имѣли возможности провести въ храмѣ все время этой торжественной службы, начало которой было назначено въ девять часовъ. Правда, много сожалѣть объ этомъ не было основаній, такъ какъ здѣсь литургія свѣтлаго дня представляетъ собою лишь обычное торжественное архіерейское служеніе, не отличающееся никакими исключительными особенностями; но при всемъ томъ мы рѣшили всетаки побывать въ храмѣ и провести въ немъ хотя одинъ часъ, имѣвшійся у насъ въ распоряженіи. Намъ хотѣлось получить по крайней мѣрѣ общее понятіе о томъ, что представляетъ собою главный храмъ Рима въ день великаго праздника, а затѣмъ полюбоваться на ту блестящую

кардинальскую процессію, которою должна была начаться литургія.—Что касается обстановки храма, то въ ней не было замѣтно рѣшительно ничего такого, что отличало-бы день Пасхи отъ всѣхъ другихъ большихъ праздниковъ года. Особенно сильнаго стеченія богомольцевъ не было; народъ, какъ и на службахъ страстной недѣли, толпился лишь въ самой передней части громаднаго собора, большая-же часть его оставалась пустою. На мѣстахъ хора засѣдалъ соборный клиръ и, какъ всегда, неслись оттуда монотонные звуки чтенія или антифоннаго речитатива: совершалась [утреня и часы и притомъ настолько продолжительно, что кардинальской процессіи и начала миссы намъ такъ и не пришлось дожидаться. Съ особеннымъ интересомъ устремилъ я свой взоръ на бронзовую статую Св. апостола Петра, но и тутъ потерпѣлъ разочарованіе. Издавна существовалъ обычай въ день Пасхи одѣвать эту статую въ полное папское облаченіе съ тіарой на главѣ и теперь я видѣлъ предварительное объявленіе объ этомъ въ нѣсколькихъ газетахъ; но, къ крайнему моему сожалѣнію, на сей разъ интересный обычай почему-то отмѣнили и громадная статуя, оставленная безъ своего праздничнаго убранства, какъ и всегда, довольно мрачно выдѣлялась на свѣтломъ фонѣ окружающихъ ее мраморовъ. Такъ на этотъ разъ ничего торжественнаго мы и не увидали, а между тѣмъ уже пробило десять часовъ и оставаться болѣе въ храмѣ мы не имѣли возможности, такъ какъ необходимо было спѣшить на такое зрѣлище, съ которымъ никакія богослужебныя церемоніи сравниться не могутъ.

Говорятъ: „тотъ не былъ въ Римѣ, кто не видѣлъ папу“, а потому тотчасъ-же по пріѣздѣ я сталъ хлопотать о томъ, чтобы получить возможность присутствовать на какой-либо церемоніи, гдѣ бы участвовалъ папа. Мнѣ сказали, что въ этомъ случаѣ лучше всего лично обратиться къ русскому посланнику при ватиканѣ, такъ какъ и всѣ пріѣзжіе иностранцы обыкновенно здѣсь пользуются содѣйствіемъ и покровительствомъ своихъ посольствъ. Конечно, я воспользовался добрымъ совѣтомъ и, благодаря любезности настоятеля русской церкви, о. архимандрита Климента, и министра—резидента при папѣ, Н. В. Чарыкова, нѣсколько дней спустя мнѣ были присланы билеты для входа на тор-

жественный пріемъ паломниковъ, который былъ назначенъ папою въ самый день Пасхи въ 11^{1/2} часовъ утра. Признаюсь такое назначеніе показалось мнѣ нѣсколько страннымъ. Въ важнѣйшихъ храмахъ Рима торжественная пасхальная литургія къ половинѣ двѣнадцатаго не могла даже и окончиться, а, между тѣмъ, чтобы занять сколько нибудь удобное мѣсто на папскомъ пріемѣ, большинству допускаемой публики нужно было забираться туда по крайней мѣрѣ за часъ или за полтора до назначеннаго срока. Такимъ образомъ святой отецъ, предписывая пріемъ паломниковъ утромъ свѣтлаго дня, не одну тысячу вѣрующихъ обрекалъ на то, чтобы въ великій праздникъ остаться безъ торжественной литургіи. Ни самъ папа ни его послушныя чада, повидимому, не усматривали въ этомъ ничего предосудительнаго; но въ странѣ православной что либо подобное, я увѣренъ, никогда бы случиться не могло. Пусть самъ Левъ XIII по своей старости и слабости не принимаетъ участія въ торжественныхъ богослуженіяхъ, но вѣдь онъ знаетъ, что и безъ него эти богослуженія всетаки совершаются, а потому относиться къ нимъ такъ пренебрежительно и какъ будто совсѣмъ забывать объ ихъ существованіи ему бы не слѣдовало. Какъ бы то ни было, но когда пробило десять часовъ, мы съ сожалѣніемъ вынуждены были покинуть величественный храмъ Бога Небеснаго, чтобы спѣшить туда, гдѣ долженъ былъ явиться предъ нашимъ взоромъ „богъ земной“.

В. Соколовъ.
